

Проф. О. В. Тараховскій.

ОБЗОРЪ АКТОВЪ

Угличской Провинціальной Канцеляріи

1719—1726 г.г.

Часть вторая.

12963.

ПЕЧАТН. А.И. САНГИРЕВОЙ МОСКВА.

1909.

Изъ „Трудовъ Ярославской Губ. Ученой Архивной Комиссiи“.

Въ прошломъ году вытущена была первая часть Обзора актовъ Угличской Провинціальной канцеляріи, представляющая собою отдѣльное изданіе введенія къ I тому названныхъ актовъ, вышедшему въ Трудахъ Ярославской ученой архивной комисіи (кн. V). Настоящая вторая часть Обзора является отдѣльнымъ изданіемъ введенія ко II тому Актовъ Угличской провинціальной канцеляріи (Труды Ярослав. учен. арх. ком. кн. VI).

Авторъ надѣется, что Обзоръ, не смотря на свое служебное назначеніе введенія, можетъ представить и нѣкоторый самостоятельный интересъ для читателей въ качествѣ собранія небольшихъ историко-юридическихъ замѣтокъ по даннымъ одного изъ провинціальныхъ архивовъ.

Юрьевъ (б. Дертъ).
9 іюня 1909 г.

Весь издаваемый материалъ Актовъ Угличской провинціальной канцеляріи раздѣленъ на шестнадцать отдѣловъ¹⁾. Въ I томѣ помѣщены были первые восемь отдѣловъ, въ настоящій II томѣ вошли остальные (IX—XVI).

Въ отдѣлѣ девятомъ помѣщены нѣкоторые акты, относящіеся къ чрезвычайнымъ и особымъ порученіямъ, возлагавшимся центральнымъ правительствомъ на органы провинціального правленія. Инструкція, данная представителямъ послѣдняго—воеводамъ, опредѣляла ихъ компетенцію весьма широко²⁾. Въслѣдствіе этого выдѣленные нами чрезвычайныя и особыя порученія провинціальному правленію, являются таковыми не по отношенію къ организаціонному закону, общія постановленія котораго могли покрыть собою самыя разнообразныя порученія, а по отношенію къ средней, такъ сказать, обыденной практикѣ Угличской провинціи.

Среди названныхъ порученій отмѣчены прежде всего два указа относительно поставки провьянта къ Высочайшему двору, или, какъ гласятъ указы, — про обиходъ Его Императорскаго Величества. Первый изъ относящихся сюда указовъ былъ данъ изъ штатсъ-канторы отъ 28 окт. 1723 года (№ 169) и предписывалъ выдать въ зачетъ положеннаго на 1724 годъ оклада дворцовой канцеляріи³⁾ 1500 рублей на покупку въ Кашинѣ и въ Кашинскомъ уѣздѣ свиного мяса, колотыхъ гусей и коровьяго масла про обиходъ Е. И. В. Деньги должны были быть выданы стряпчему Михаилу Пѣину, специально команди-

1) См. томъ I, введеніе, стр. III—IV.

2) См. *М. М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 г.г., Москва, 1902 г., стр. 87—91.

3) Объ окладѣ дворцовой канцеляріи см. *И. Н. Милоковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго, изд. 2-е, СПб., 1905 г., стр. 497 и 672.

рованному дворцовой канцеляріей для указанной покупки. Второй указъ былъ данъ изъ камеръ-коллегіи отъ 26 ноября 1723 года (№ 170) и предписывалъ доставить точныя свѣдѣнія о способѣ заготовленія и доставки стерлядей, поставляемыхъ изъ Углической провинціи про обиходъ Е. И. В., а также о размѣрѣ расходовъ на это дѣло и источникахъ, изъ которыхъ эти расходы покрываются. Поставка стерлядей къ Высочайшему двору составляла своеобразную особенность хозяйственнаго служенія Углической провинціи. Объ этой поставкѣ сохранилось цѣлое дѣло 1719—1724 г.г., которое приведено полностью въ отдѣлѣ четырнадцатомъ среди актовъ, служащихъ къ бытовой и хозяйственной характеристикѣ мѣстности.

Чрезвычайныя порученія давались воеводѣ по поводу проѣзда черезъ провинцію Государя. Такой проѣздъ за разсматриваемое время имѣлъ мѣсто дважды, — въ 1721-омъ (№ 171) и въ 1723-емъ году (№ 172). Оба раза предписывалось воеводѣ выставлять въ указанныя мѣста наряды ямскихъ подводъ.

На воеводу и на всѣхъ другихъ управителей возлагалась особенная обязанность оказывать непосредственную и скорую помощь рѣчнымъ судамъ съ казеннымъ грузомъ въ случаѣ аварій. Зная излюбленный способъ мѣстныхъ властей затягивать дѣло и уклоняться отъ его исполненія путемъ безконечныхъ запросовъ по начальству, камеръ-коллегія въ данномъ случаѣ (№ 173) предписывала: „не ожидая отъ своихъ вышнихъ командировъ послушныхъ указовъ, но всячески образы старается вспомогать и до гибели не допускать“. Донесенія же по начальству она требовала лишь послѣ оказанія скорой и дѣйствительной помощи, — „и что учипять, о томъ въ тѣ мѣста, откуда отправленіе было, и къ своимъ командиромъ для вѣдома писать“. За неоказаніе возможной помощи указъ грозилъ высланіемъ съ виновнаго понесенныхъ казной убытковъ и штрафовъ.

На воеводу возлагалась также обязанность по свидѣтельствуванію аварій судовъ, шедшихъ съ грузомъ соли, и оказанію имъ содѣйствія по исправной доставкѣ уцѣлѣвшаго соляного груза (№№ 174 и 175). Особый указъ предписывалъ воеводѣ чинить „всякое вспоможеніе“ высылкѣ соли, отпущенной въ 1724 г. изъ Нижняго-Новгорода до верховыхъ городовъ (№ 176).

Исключительнымъ въ практикѣ Углической провинціальной канцеляріи является указъ, полученный воеводою въ 1723 г., изъ канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода (№ 177). Необычнымъ представляется и непосредственное обращеніе Си-

нода къ воеводѣ и самое содержаніе указа. Изъ него мы узнаемъ, что въ 1718—1719 г. ландратъ Нарышкинъ самовольно раздавалъ изъ вотчинныхъ житницъ Новоспасскаго монастыря взаймы многимъ жителямъ Углича и уѣзднымъ людямъ большое количество разнаго хлѣба и „про свой домовый расходъ забралъ немалое число“. Среди облагодѣльствованныхъ такимъ образомъ Нарышкинымъ „города Углича жителей и уѣздныхъ многихъ людей“ попадаются и завѣдомо нуждавшіеся, напр. — „солдатскіе отцы и матери и нищіе“, но чаще фигурируютъ лица, нужда которыхъ вызываетъ серьезныя сомнѣнія, таковы: камериръ Миллюковъ, Угличскаго собора протопопъ, а также цѣлый рядъ крупныхъ помѣщиковъ. Всего роздано было Нарышкинымъ монастырскаго разнаго хлѣба: ржи—1591 четверть 5 четвериковъ, овса—1655 четвертей 5 четвериковъ, ячменя—67 четвертей, пшеницы—140 четвертей. О возвратѣ всего этого, розданнаго якобы взаймы, конечно не было и рѣчи. Прождавъ четыре года, монастырь обратился наконецъ съ жалобой въ синодъ, прося защиты и управы, особенно въ виду неурожая послѣднихъ двухъ лѣтъ. Послѣдствіемъ этой жалобы и явился указъ синода воеводѣ о возвращеніи монастырю всего розданнаго хлѣба.

Въ силу послѣдовавшей замѣны смертной казни татямъ и разбойникамъ, не учинившимъ смертнаго убійства, ссылкой на каторгу въ вѣчную работу¹⁾, возлагалась на низшіе суды обязанность представлять такихъ колодниковъ въ палаточныя суды и отправлять затѣмъ въ С.-Петербургъ на галеры. Центральное правительство строго слѣдило за этимъ порядкомъ и, имѣя въ виду фискальный интересъ галерной работы, тщательно учитывало всѣхъ присылаемыхъ колодниковъ. Указъ юстицъ-коллегии отъ 12 апрѣля 1723 г. (№ 178) можетъ служить образчикомъ особыхъ порученій, возлагавшихся въ подобныхъ дѣлахъ на провинціальныя учрежденія.

Послѣдними въ восьмомъ отдѣлѣ помѣщены два указа 1722 г. объ осмотрѣ верстовыхъ столбовъ (№№ 179 и 180). Первый изъ нихъ данъ изъ сената Угличскому воеводѣ, второй—изъ канцеляріи Угличской провинціи комиссару Супоневу. Въ указахъ предписывается: верстовые столбы „осмотрить, всѣ ли въ цѣлости, и ежели подгнили, то поставить вновь. И поставя, на чьихъ земляхъ поставлены, тѣхъ сель и деревень прикащикамъ и старостамъ приказать беречь, и гдѣ впредь ставить

¹⁾ См. А. Н. Филипповъ, О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформой, Москва, 1891 г., стр. 312.

вновь, съ такою жъ подпискою, чтобъ были всегда въ цѣлости, велѣтъ имъ росписатьца“. Проявленная въ приведенныхъ указахъ заботливость о' верстовыхъ столбахъ заслуживаетъ быть особо отмѣченной въ связи съ ничтожной вообще дѣятельностью мѣстной администраціи того времени по попеченію о путяхъ сообщенія¹⁾.

Десятый отдѣлъ посвященъ школьному дѣлу. Привиденные въ немъ акты распадаются на два вида: одни изъ нихъ относятся къ жизни центральной школы, другіе—къ учрежденію школы мѣстной. Акты первого рода касаются основанныхъ Петромъ Великимъ морскихъ академій, и въ частности того зла, отъ котораго академіи больше всего страдали, именно;—неисправности и предосудительнаго поведенія учениковъ. Указъ изъ Московской академической канцеляріи отъ 1720 г. (№ 181) предписываетъ Угличскому воеводѣ взять силою и доставить въ Москву въ академическую канцелярію школьнаго ученика Миханла Кашкина, отпущеннаго для исправленія домашнихъ нуждъ въ его Угличское помѣстье и не возвратившагося къ сроку изъ отпуска. Указъ сообщаетъ, что ученики отпущены были „съ подписываньемъ рукъ, буде кто изъ нихъ на ...срокъ не явитца, движимаго и недвижимаго имѣнья лишень, а буде весьма отбудеть, повинень смерти“. Сохранилась цѣлая переписка 1724 — 1725 гг. (№ 182) о конфискаціи имущества школьника С.-Петербургской морской академіи В. М. Тяпкина, осужденнаго за двѣ кражи денежной казны и за два побѣга. В. М. Тяпкинъ заявилъ, что у него имѣется недвижимое имѣніе въ Кашинскомъ уѣздѣ; воеводѣ приказано было отнискать это имѣніе на государя; нѣсколько разъ воевода отправлялъ на мѣсто специальный „наѣздъ“, но въ указанныхъ мѣстахъ не оказалось никакого имѣнія В. М. Тяпкина „и впредь не бывало, и дачи ...оному школьнику ничего не написано“.

Именными Высочайшими указами 1714 и 1716 гг. повелѣно было послать въ губерніи и провинціи окончившихъ курсъ адмиралтейской академіи для преподаванія въ т. н. цифирныхъ школахъ²⁾. Учениковъ въ эти школы повелѣно было набирать изъ дѣтей приказныхъ и церковнаго чина людей. Во исполненіе этихъ указовъ отправлено было въ 1721 году изъ Углича и Кашина съ уѣздами 15 человекъ дѣтей церковнаго чина (№ 183,

¹⁾ См. *М. М. Ботословскій*, назв. сочин., стр. 99—100.

²⁾ О цифирныхъ школахъ см. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, часть I, Ярославль, 1874 г., стр. 14—47.

стран. 32) въ Ярославскую школу. Въ концѣ 1721 года состоялся указъ адмиралтейской коллегіи объ открытіи цифирной школы въ самомъ Угличѣ. Объ этомъ сохранилось цѣлое дѣло (№ 183).

Указомъ отъ 26 іюня 1721 г. изъ адмиралтейской коллегіи Угличскій воевода былъ предувѣдомленъ о предстоящемъ заведеніи цифирныхъ школъ по всѣмъ губерніямъ и провинціямъ, и ему предписано было собирать подлежащихъ дѣтей для обученія (стр. 34—35). Начало школы въ Угличѣ было положено назначеніемъ туда воспитанника С.-Петербургской морской, или адмиралтейской, академіи Ивана Калитеевского, который „арифметику и геометрію окончилъ“. Объ этомъ назначеніи и долженствовавшемъ послѣдовать за нимъ открытіи школы воевода былъ извѣщенъ собственноручнымъ отъ 9 дек. 1721 г. письмомъ полковника и бомбардиръ-капитана поручика Григорія Григорьевича Скорякова-Шисарева, „подъ вѣдѣніемъ и смотрѣніемъ“ котораго должны были находиться подчиненныя адмиралтейской коллегіи цифирныя школы (стр. 29—30). Назначенному въ Угличѣ учителемъ Ивану Калитеевскому данъ былъ изъ С.-Петербургской (морской, или адмиралтейской) академіи особый указъ отъ 9 дек. 1721 г., въ которомъ опредѣлялись его должность и штатъ содержанія школы (с. 28—29)¹⁾. Помѣщеніе подъ школу должно было быть отведено въ архіерейскомъ домѣ или въ одномъ изъ „знатныхъ монастырей“ (стр. 32); жалованье учителю („кормовыхъ денегъ по 36 рублевъ на годъ по третямъ“), отопленіе и освѣщеніе школы, содержаніе прислуги и снабженіе школы учебными пособиями было отнесено на счетъ казны и должно было покрываться провинціальной канцеляріей изъ губернскихъ доходовъ (стр. 29, 30, 32—33).

Пріѣхавъ на мѣсто, учитель Иванъ Калитеевской обратился въ февралѣ мѣсяцѣ 1722 г. къ воеводѣ съ доношеніемъ (стр. 34), въ которомъ просилъ предоставить ему школьное помѣщеніе, доставить учениковъ и снабдить его школьными пособиями; послѣднія приходилось пріобрѣтать въ Москвѣ, и учитель просилъ о командированіи туда съ этою цѣлью кого либо изъ канцелярскихъ чиновъ.

Первой заботой воеводы былъ наборъ учениковъ и отводъ помѣщенія для школы согласно указамъ. 17 февр. 1722 г. воевода обратился къ архимандриту Угличскаго Воскресенскаго

¹⁾ По содержанію указъ этотъ вполне тождественъ съ другими ему подобными, см. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, назв. сочин., стр. 14 и 15 прим. 3-е.

монастыря Гавриилу (стрн. 33—34) съ предписаніемъ „о зборѣ въ городѣ Угличѣ и въ Углицкомъ уѣздѣ церковниковыхъ дѣтей, и онаго Воскресенскаго монастыря, и другихъ всѣхъ монастырей служниихъ и подъяческихъ, и всякихъ чиновъ людей и о присылкѣ въ Углицкую канцелярію къ смотру для отдачи вышеозначенному учителю Колитесевскому и объ отводѣ для ученія школы въ углицкомъ архіерейскомъ домѣ или въ углицкихъ монастырѣхъ, въ которомъ надлежитъ“. Воевода предлагалъ архимандриту „учинить по Е. И. В. имянному указу неостмѣнно, дабы оной учитель безъ дѣла не былъ и даромъ жалованья не бралъ“.

Архимандритъ Угличскаго монастыря прислалъ отвѣтъ воеводѣ черезъ десять дней, что надо считать довольно скорымъ, имѣя въ виду, что архимандритъ предварительно снесся съ преосвящ. Георгіемъ, епископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Но скорый отвѣтъ архимандрита не только не подвинулъ дѣла открытія школы въ Угличѣ, но напротивъ того затянулъ его: архимандритъ отказался исполнить предписаніе воеводы. Открытіе школы въ Угличѣ пришлось какъ разъ на первый годъ дѣятельности новоучрежденнаго Свят. Прав. Духовнаго Синода. Съ учрежденіемъ синода монастырскіе вотчины, архіерейскіе дома и всѣхъ церковныхъ чиновъ люди были изъяты изъ подчиненія общимъ административнымъ мѣстамъ¹⁾. Между тѣмъ указы, на которыхъ основывалось предъявленное воеводой требованіе къ архимандриту объ отводѣ помѣщенія подъ школу и наборѣ учениковъ, были изданы до учрежденія синода. Архимандритъ, основываясь на указаніяхъ, полученныхъ отъ архіерея, не призналъ себя обязаннымъ подчиняться этому старому порядку и сослался на новый порядокъ, согласно которому „бывшаго патріарша дому архіерейскіе и монастырскіе и церковные вотчины всего Велико-Россійскаго государства, и тѣхъ архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ служителей зборами и судомъ, и росправою, и всякимъ правленіемъ вѣдать въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, а въ каллегіяхъ и въ губерніяхъ и въ провинціяхъ, и въ городѣхъ ничего того не вѣдать и ни для какихъ дѣлъ безъ послушныхъ указовъ изъ святѣйшаго правительствующаго духовнаго синода посылать не велѣно“ (стр. 36). Изъ синода не было никакого указа объ Угличской школѣ; поэтому архимандритъ и отказался исполнить требованіе воеводы, и даже позволилъ себѣ сдѣлать косвенное указаніе воеводѣ, что

¹⁾ См. I томъ актовъ, введеніе, стр. XXXVIII—XXXIX и XLII прим. 3-е.

постѣдній не имѣлъ права обращаться къ нему съ подобнымъ требованіемъ.

Хотя архимандритъ въ своемъ отвѣтѣ ссылался на указанія, преподанныя ему епархіальнымъ архіереемъ, тѣмъ не менѣе воевода не убѣдился этой ссылкой и 6 апр. 1722 г. обратился съ новымъ предложеніемъ непосредственно къ архіерею (стр. 36—37), и настаивалъ на исполненіи своего прежняго требованія. „И преосвященному Георгію епископу Ростовскому и Ярославскому“, писалъ ему воевода, „о повелѣніи объ отводѣ въ Угличъ для вышеозначеннаго ученія школы, гдѣ надлежитъ, и о присылкѣ церковнаго чина дѣтей учинить по вышеозначеннымъ Е. И. В. имяннымъ указомъ“. Архіерей не остался въ долгу, и черезъ три дня отвѣтилъ указомъ (стр. 37—38), въ которомъ преподалъ воеводѣ тѣ же указанія, какія раньше сдѣлалъ архимандриту. Указъ написанъ архіереемъ съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства и въ заключительной части содержитъ рѣшительный отказъ исполнить требованіе воеводы. „И по присланнымъ изъ другихъ коллегей и канцелярей, и изъ городовъ отъ управителей (указамъ) безъ послушныхъ изъ правительствующаго духовнаго синода указовъ, какъ во оныхъ послушанія, такъ и отиравленія *за многими отъ гражданскихъ управителей тягостями не чинить*, того ради опредѣлить имъ школы безъ послушнаго изъ святѣйшаго правительствующаго синода указу невозможно“,—таковъ былъ категорическій отвѣтъ владыки. Объ отказѣ епархіальнаго архіерея въ отводѣ помѣщенія для школы и въ наборѣ учениковъ воевода донесъ 29 апрѣля 1722 г. въ адмиралтейскую коллегію (стр. 38—40)

Пока провинціальная администрація вела столь неудачные переговоры съ вѣдомствомъ святѣйшаго синода, время шло, и учитель сидѣлъ безъ дѣла, и безъ жалованья. Онъ хорошо помнилъ пункты даннаго ему изъ С.-Петербургской академіи указа, по которымъ онъ обязывался „учить учениковъ съ прилежаніемъ и во всемъ поступать такъ, какъ надлежитъ доброду и честному человѣку, опасаясь за неисправленіе надлежащаго штрафу и наказанія“, а также представлять о своей дѣятельности отчеты въ академію по третямъ (стр. 29). Между тѣмъ первая треть уже прошла, а учениковъ не было, не было, значить, никакого дѣла, не было и жалованья. Иванъ Калитеевской пришелъ въ смятеніе: со стороны академіи грозили ему каждую минуту „штрафъ и наказаніе“, и не на что было жить. Онъ и рѣшился обратиться къ воеводѣ съ просьбой засвидѣ-

тельствовать, что онъ находится неотлучно на мѣстѣ служенія, но ученія нѣтъ не по его винѣ; въ виду этого онъ ходатайствовалъ о понужденіи подлежащихъ лицъ къ высылкѣ учениковъ и объ ассигнованіи ему жалованья за истекшую треть. „И чтобъ Е. И. В. повелѣлъ изъ канцеляріи правящцы Углицкой“, писалъ Калитеевской воеводѣ въ маѣ 1722 г., „по третямъ года послать, куды надлежитъ, о томъ, хто противъ Е. И. В. указу учинился ослушень; а чего ради мнѣ дѣла не показано, и сіе мое доношеніе повелѣлъ бы также въ Углицкой канцеляріи принять и записать въ книгу, чтобъ мнѣ въ томъ ихъ неотправленіи не учинено было жестокаго наказанія и большаго штрафа; а мнѣ бѣ, нижайшему, кормовое денежное жалованье за первую треть додать и зъ голоду бѣ не помереть, а я въ томъ не виненъ, что ко мнѣ вышеобъявленныхъ учениковъ къ ученію не прислано, а бытность моя, какъ я посланъ изъ Санктъ-Петербурха, предъявлена въ канцеляри правящцы Углицкой“ (стр. 40).

Подъ вліяніемъ этого заявленія учителя и не получая отвѣта изъ адмиралтейской коллегіи на свое доношеніе отъ 29 апрѣля, воевода обратился 8 іюня 1722 г. въ адмиралтейскую коллегію съ новымъ доношеніемъ объ упорномъ отказѣ церковныхъ властей (стр. 41). Чтобы ускорить дѣло, воевода въ тотъ же день отправилъ о томъ же письмо главному начальнику цифирныхъ школъ извѣстному уже намъ Г. Г. Скорнякову-Писареву (стр. 41—42).

Изъ двухъ послѣднихъ документовъ мы узнаемъ, что съ предложеніемъ о наборѣ и высылкѣ учениковъ въ школу воевода обращался не только къ архимандриту Угличскаго Воскресенскаго монастыря Фаврину, но и къ игумену Кашинскаго Клобукова монастыря Павлу. Въ іюнь 1722 г. учитель Калитеевской донесъ воеводѣ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ игумень Павелъ получилъ уже изъ синода послушной указъ о наборѣ учениковъ. На этомъ основаніи учитель просилъ воеводу, если такой указъ дѣйствительно полученъ игуменомъ, потребовать съ него скорѣйшей высылки учениковъ. Какъ видимъ, Калитеевской зорко слѣдилъ за ходомъ дѣла; къ такого рода служебному рвенію побуждалъ его страхъ за собственную участь: „ибо я“, писалъ онъ воеводѣ, „за такою неприсылкою къ ученію и живу празденъ, безъ того себѣ не получаю жалованья, отъ того помираю голодною смертью, а паче чтобъ того ко мнѣ не причлось за неученіе къ истязанію“ (стр. 43).

Свѣдѣнія, дошедшія до учителя, были, очевидно, правильныя. 5 іюля 1722 г. игумень Кашинскаго Клобукова монастыря

Павель увѣдомилъ воеводу о томъ, что онъ собралъ въ Кашинѣ и его уѣздѣ 23 человѣка церковниковыхъ дѣтей и отправилъ ихъ въ Угличъ къ емотру и отдачѣ въ школу (стр. 43). Къ отношенію игумена былъ приложенъ „реэстръ города Кашина и Кашинскаго уѣзду церковниковымъ дѣтемъ“, высланнымъ къ мѣсту назначенія (стр. 43—44).

Казалось бы, что дѣло налаживалось. Однако воевода отказался немедленно принять набранныхъ въ Кашинѣ учениковъ, такъ какъ не было еще помѣщенія для школы. Въ виду этого онъ немедленно послалъ Кашинскому игумену указъ:— „не велѣть до указа высылать (учениковъ) для того, что двора не отведено; а какъ повелѣно будетъ прислать, и ихъ выслать тотчасъ“ (стр. 51). вмѣстѣ съ тѣмъ воевода обратился 10 іюля 1722 г. къ епархіальному архіерею съ просьбой объ отводѣ помѣщенія подъ школу и о присылкѣ учениковъ изъ другихъ городовъ и уѣздовъ (стр. 45).

Въ сентябрѣ 1722 г. учитель Калитеевской опять донесъ воеводѣ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ и архимандритъ Угличскаго Воскресенскаго монастыря получилъ уже послушной указъ изъ синода о наборѣ учениковъ, и просилъ воеводу провѣрить эти свѣдѣнія и, если они оправдаются, ускорить высылку учениковъ (стрн. 45—46). Въ своемъ доношеніи несчастный учитель заявлялъ по прежнему, что сидитъ праздно, безъ жалованія умираетъ голодною смертію и боится, какъ бы ему „не пришлось за неученіе ко истязанію“.

Воевода немедленно обратился къ архимандриту Угличскаго Воскресенскаго монастыря Гавріилу съ запросомъ о томъ, полученъ ли имъ послушной указъ изъ синода о наборѣ учениковъ, причемъ просилъ архимандрита, если такой указъ имъ полученъ, немедленно набрать учениковъ и выслать ихъ въ Угличъ (стр. 46—47). Архимандритъ Гавріилъ отвѣтилъ воеводѣ на другой же день (18 сент.), но опять таки отказомъ. „И по поданному отъ академической канцеляріи доношенію“, писалъ архимандритъ, „велѣно поповыхъ, и дьяконовыхъ, и церковническихъ дѣтей въ арифметическія школы не отдавать для того, что по духовному регламенту такихъ церковническихъ дѣтей во архіерейскихъ школахъ учить опредѣлено, о чемъ и напредъ сего прешедшаго февраля 27 дня сего 722 году правнцы Углицкой въ канцелярію отвѣтствовано“ (стр. 47). Ссылка архимандрита на свое предыдущее доношеніе воеводѣ не правильна. Въ первомъ доношеніи говорилось лишь объ изъятіи церковныхъ земель и людей изъ вѣдѣнія общей администраціи

и на этомъ основаніи указывалось на невозможность исполнить требованіе воеводы безъ соотвѣтственнаго послушнаго указа изъ синода. Во второмъ же доношеніи выставленъ совершенно новый мотивъ отказа, о которомъ въ предыдущемъ не говорилось ни слова. Первое доношеніе предъявляло лишь формальный и временный отводъ воеводскаго требованія; второе, напротивъ того, возражаетъ по существу, указывая, что на основаніи Духовнаго Регламента церковниковы дѣти подлежатъ отдачѣ не въ цифирныя („арифметическія“), а въ специально для нихъ предназначенныя архіерейскія школы¹⁾.

Объ этомъ новомъ затрудненіи въ дѣлѣ открытія школы въ Угличѣ воевода донесъ по начальству. Доношеніе воеводы не сохранилось, но въ имѣющейся у насъ канцелярской выписи о дѣлѣ (стр. 47—52) значится послѣ доношенія архимандрита Гавріила воеводѣ: „И по помѣтѣ на ономъ доношеніи повелѣно писать объ указѣ къ Москвѣ“ (стр. 51). Новое ходатайство воеводы по начальству не имѣло успѣха. 16 ноября 1722 г. полученъ былъ воеводою указъ изъ сената, въ которомъ подтверждалось, что „дѣтей дѣйствительно служащихъ поповъ и церковниковъ, причетниковъ, годныхъ въ школу, по духовному регламенту учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ арифметическіе школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ ихъ не спрашивать“ (стр. 52).

Еще 24 сентября 1722 г. учитель Иванъ Калитеевской обратился къ воеводѣ съ просьбой о выдачѣ ему жалованья за истекшіе мѣсяцы, такъ какъ ему выдано было всего 7 рублей, что составляло меньше причитывшагося за одну треть, а жилъ онъ въ Угличѣ уже третью треть. Обычно Калитеевской сопровождалъ всѣ свои обращенія къ воеводѣ неизмѣнной просьбой о скорѣйшемъ наборѣ учениковъ, дабы ему не сидѣть безъ дѣла праздно и этимъ не навлечь на себя жестокаго наказанія. На сей разъ такой просьбы уже не находимъ. Калитеевской потерялъ надежду на открытіе школы и просилъ воеводу, „буде, де, учениковъ во оной правинцы для обученія къ нему не същетца, чтобъ дать ему изъ канцелярціи правинцы Углецкой, куды надлежитъ, во отвѣствии отписки, и, выдавъ ему достальное жалованье по прибытности ево за служенные мѣсяцы, также де, и давъ по подорожной подводѣ, отпустить ево съ оными

¹⁾ О борьбѣ между свѣтскимъ и духовнымъ начальствомъ, вызванной противорѣчіемъ между указами о цифирныхъ школахъ, предшествовавшими учрежденію синода, и постановленіями Духовнаго Регламента и позднѣйшихъ законопій, см. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, назв. соч., стр. 25—28.

отписки попрежнему, куды надлежитъ“ (стр. 51). Доложеніе учителя долго лежало въ канцеляріи безъ движенія, и только 28 ноября 1722 г., слѣдовательно, лишь по полученіи извѣстнаго намъ сенатскаго указа отъ 16 ноября, воевода опредѣлилъ выдать Калитеевскому жалованье въ размѣрѣ двухъ рублей (стр. 52). За проведенные въ Угличѣ 9 мѣсяцевъ учителю причиталось получить по меньшей мѣрѣ 24 рубля (за двѣ трети), и такъ какъ раньше ему было выдано 7 рублей, то оставалось дополучить 17 рублей. По какому расчету воевода назначилъ ему два рубля, для насъ непоятно. Остается лишь предположить, что воевода не рѣшился выдать полностью все штатное жалованье учителю, сидѣвшему безъ учениковъ и безъ дѣла, и ассигновалъ ему лишь небольшую сумму въ видѣ необходимаго пособія. Приговоромъ воеводы о выдачѣ этого пособия и кончается дошедшее до насъ дѣло о несостоявшемся открытіи цифирной („арметической“) школы въ Угличѣ.

Не смотря на энергію, проявленную воеводой¹⁾, Угличская школа такъ и не была открыта. Въ „Введеніи о состояніи ученическихъ школъ въ губерніяхъ и провинціяхъ для ученія дьячихъ и подъяческихъ и церковниковыхъ и монастырскихъ слугъ детей цыфры и геометріи“, представленномъ адмиралтейской коллегіей въ сентябрѣ 1726 г. въ Верховный Тайный Совѣтъ, Угличская провинція помѣщена въ числѣ тѣхъ 14 провинцій, изъ которыхъ „объявленные учителя за неизмѣнимъ въ техъ провинціяхъ приказного чина и за отбытіемъ по указомъ церков(н)ыхъ дѣтей прибыли во академию по прежнему, и нынѣ въ тѣхъ провинціяхъ учителей не имѣется“²⁾. Въ указанномъ „введеніи“ поименованъ и злополучный учитель Иванъ Калитеевской.

Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ помѣщены акты о шляхетствѣ и служилыхъ людяхъ. Почти всѣ эти акты относятся къ смотрамъ дворянства, столь ревностно производившимся при императорѣ Петрѣ Великомъ³⁾. Кромѣ актовъ, сосредоточенныхъ въ XI-омъ отдѣлѣ, непосредственное отношеніе къ смотрамъ дворянства имѣютъ также два акта, помѣщенные въ XVII-омъ, дополнительномъ, отдѣлѣ настоящаго тома (№№ 284 и 285). Отпечатанные нами акты приурочиваются къ двумъ общимъ смотрамъ

¹⁾ Энергія Угличскаго воеводы была не меньше „рвенія“ Вятскаго воеводы, отмѣченнаго *М. М. Богословскимъ*, назван. сочин., стр. 98.

²⁾ Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. LVI, стр. 320—321.

³⁾ См. *М. Яблочковъ*, Исторія дворянскаго сословія въ Россіи, Спб., 1876 г., стр. 351—362. *А. Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмены крѣпостнаго права, Спб., 1870 г., стр. 121—123.

дворянства,—1722-го и 1725-го годовъ, причемъ значительно преобладають акты, относящіеся къ первому изъ указанныхъ смотровъ¹⁾. Это дастъ намъ возможность остановиться на немъ подробнѣе.

Сборъ дворянъ на смотръ предписывался указами Правительствующаго Сената воеводамъ. Воеводы предписывали комиссарамъ объявить указъ о смотрѣ дворянамъ по мѣсту жительства и обязать ихъ особой подпиской ѣхать къ смотру въ Петербургъ и предварительно явиться въ провинціальную канцелярію. Комиссары доносили воеводѣ объ исполненіи приказанія и присоединяли къ своимъ доношеніямъ списки дворянъ, обязавшихся подпиской и высланныхъ въ Угличскую провинціальную канцелярію и затѣмъ въ Петербургъ. Мы помѣстили рядъ такихъ списковъ, или „реестровъ царедворцомъ и дворяномъ, и офицеромъ всякаго званія, хто имени высланы“ (№ 284, стр. 343; № 285; № 184, стр. 57) къ смотру 1722 года. Особые списки велись недорослямъ, о привлеченіи которыхъ на службу особенно заботилось правительство Петра Великаго. У насъ приведена одна роспись 1721 года недорослямъ, которые высланы въ Угличъ къ смотру по „добъзду“ Семена Пятово (№ 197). Какъ видно изъ указаннаго документа, указы о недоросляхъ исполнились въ Угличской провинціи съ крайней тщательностью: переписаны были не только недоросли, достигшіе указныхъ лѣтъ (десяти и больше), но и ниже указныхъ лѣтъ вплоть до годовалыхъ и полугодовыхъ дѣтей дворянскихъ.

Смотры производились не только общему составу „царедворцевъ, дворянъ и офицеровъ“, но и спеціальнымъ категоріямъ должностныхъ лицъ, напримѣръ,—комиссарамъ и фискаламъ. Къ всеподданнѣйшему доношенію Угличскаго воеводы отъ 17 февраля 1722 г. (№ 185) приложенъ реестръ земскимъ комиссарамъ, подчиненнымъ комиссарамъ и состоявшимъ при нихъ счетчикамъ съ особымъ перечнемъ высланныхъ къ смотру. Изъ доношенія и реестра видно, что высылка къ смотру названныхъ должностныхъ лицъ производилась слѣдующимъ образомъ: половина ихъ отправлялась на смотръ, а половина оставалась дома: послѣдніе высылались затѣмъ на смотръ лишь по возвращеніи первыхъ. Такой порядокъ устанавливался въ видахъ обезпеченія непрерывности въ отправленіи служебныхъ дѣлъ вѣдомства²⁾. „И мнѣ, рабу Вашему“, доносили воевода царю, „оныхъ, оставшихся при дѣлахъ камисаровъ до того времени, какъ съ смотру

¹⁾ О смотрѣ 1722 г. см. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 276—277.

²⁾ См. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 279.

отпущены будутъ вышеписанные прежде высланные камисары, къ смотру выслать невозможно, для того (что) безъ оныхъ камисаровъ въ Вашихъ Императорскаго Величества денежныхъ и рекрутскихъ сборѣхъ и въ прочихъ нарядахъ учинитца остановка“ (стр. 60).

Центральное правительство одобряло такую систему прѣзда должностныхъ лицъ на смотръ по смѣнамъ, лишь бы правильно соблюдалась очередь, и никто ея не избывалъ. Въ случаѣ если кто либо совсѣмъ не являлся, о немъ дѣлался специальный запросъ провинціальнымъ властямъ. Такъ относительно рейтара Т. Ю. Заборовскаго герольдмейстерская контора предписала Угличскому воеводѣ въ октябрѣ 1724 г. „справясь, отвѣтствовать, — у приему и роздачи правянта и фуража жъ на Ярославскій драгунскій полкъ февраля на послѣдніе числа былъ ли, и съ котораго году, и мѣсяца, и числа, и къмъ опредѣленъ, и возможно ль было ему Марта до 6-го числа того же года отъ того дѣла отлучитца къ смотру, и въ которую половину къ смотру велѣно быть“ (№ 194, стр. 86). Воевода отвѣтилъ, что Т. Ю. Заборовской освободился отъ возложенныхъ на него обязанностей къ 6 янв. 1722 г., „а съ того числа купно съ другими дворяны оной Заборовской высланъ въ Москву къ смотру въ первую половину“ (№ 194, стр. 87).

Отъ смотра 1722 г. приведена копія вѣдѣнія фискаламъ всего государства, какъ явившимся къ смотру, такъ и не явившимся (№ 191).

Вызовъ дворянъ къ смотру производился на мѣстахъ земскими комиссарами. Въ иныхъ случаяхъ командировались съ этой цѣлью особыя лица изъ провинціальной канцеляріи, какъ это мы видимъ изъ указа, даннаго 17 янв. 1722 г. солдату Дюрдину (№ 186). „Вхать тебѣ“, гласилъ указъ, „въ Угличской уѣздъ въ разные помѣстья и вотчины по нижеписанной росписи, а прѣхавъ, изъ тѣхъ помѣстей и вотчинъ выслать отставныхъ дворянъ и офицеровъ всѣхъ къ смотру въ Москву въ самомъ скоромъ времени и при себѣ, такъ же и сверхъ росписи, и въ томъ смотрѣ объявить имъ Е. И. В. печатный указъ съ прикладываніемъ рукъ ихъ“ (стр. 63). Солдатъ-разсылщикъ Дюрдинъ представилъ затѣмъ воеводѣ „доѣздъ“ по исполненію возложеннаго на него порученія (стр. 64). Комиссары тоже посылали отъ себя „въ доѣздъ“ подчиненныхъ комиссаровъ съ товарищами изъ солдатъ (№ 285, стр. 345, 348) и иногда жаловались, что „за умаленіемъ солдатъ нарочно послать неково“ (№ 184, стр. 57).

Дворяне, которымъ „доѣзжіе“ чины читали печатный Е. И. В. указъ о смотрѣ, выдавали имъ подписки въ слушаніи указа, въ которыхъ обязывались явиться къ смотру въ срокъ подъ угрозой штрафа (№ 184, стр. 58; № 284, стр. 343). Такія подписки назывались „высылными записками“ (стр. 96, 344), или просто „высылками“ (стр. 58).

Многіе дворяне всячески уклонялись отъ смотровъ. Уклоненія эти могутъ быть отмѣчены во всѣхъ стадіяхъ смотрового производства. Такъ, иные дворяне при самомъ предъявленіи имъ печатныхъ Е. И. В. указовъ о смотрѣ не выдавали „доѣзжімъ“ чинамъ требовавшихся подписокъ. Комиссары немедленно доносили объ этомъ въ провинціальную канцелярію, причемъ или ограничивались простымъ засвидѣтельствомъ факта, какъ это видно изъ представленнаго комиссаромъ Сьяновымъ „реестра, которые помѣщики не подписались на срокъ“ (№ 184, стр. 59), или же отмѣчали, какъ это сдѣлалъ комиссаръ Савва Пивинъ, что „иные де упрямствомъ своимъ не подписались и сказали, что имъ въ канцелярію правящии Углецкой быть къ смотру не надлежитъ“ (№ 285, стр. 348).

Многіе дворяне оказывались неаккуратными и являлись по минованіи срока, назначеннаго для смотра. Такимъ „позднопріѣздцамъ“ составлялись особые списки, по которымъ ихъ вызывали къ явкѣ на новый срокъ (№ 188). „Позднопріѣздцамъ“ наказывали являться въ провинціальную канцелярію со всей строгостью: „а ежели оныхъ дворянъ въ домѣхъ ихъ не будетъ“, то приказывали комиссару „взять дѣтей ихъ, и людей, и крестьянъ, и по тому жъ привести въ Углець къ вышепомянутому сроку“ (№ 189).

По особымъ указамъ производились сыскъ и высылка дворянъ, совершенно не явившихся на смотры, или т. н. нѣтчиковъ (№ 190). Упорно неявившіеся на смотры подвергались принудительной высылкѣ, и на имѣнія ихъ налагалось запрещеніе впредь до разслѣдованія причинъ неявки. Такъ, въ 1724 году обнаружилось, что князь Петръ Шаховской „не токмы на указные сроки къ смотру (1722 г.) и повылѣ не явился, и живетъ въ домѣ своемъ Санктъ-Питербурхской губернии, въ Великолуцкой правящии, въ Торопецкомъ уѣздѣ“. По опредѣленію герольдмейстерской конторы велѣно было „оного дворянина князь Петра Шаховского выслать въ Санктъ-Питербурхъ въ Герольдмейстерскую кантору за карауломъ, или за добрыми поруками немедленно, а на деревни его крѣпостей не писать, пока онъ Шаховской оправданіе о себѣ принесетъ“ (№ 193, стр. 84). За

упорную неувку дворянъ къ смотру и безвѣстное отсутствіе имѣнія ихъ подвергались не только временному запрещенію, но и временной отпискѣ на государя. „Въ поданномъ доношеніи Герольдмейстерской канторы дьяка Русилова (1723 г.) объявлено,—о посылкѣ въ Санктъ-Штербургъ въ слышани указа не подписались и по сыскамъ не сысканы, деревни ихъ отписать на Е. И. Величество и владѣть имъ не давать, и людемъ, и крестьяномъ слушать не велѣть, покажѣсть они явятся въ Санктъ-Штербургъ въ Герольдмейстерской канторѣ“ (№ 192, стр. 82). Такая мѣра должна была быть примѣнена къ князю Афанасію Васильевичу Борятинскому ¹⁾ въ 1723 г. Въ имѣніе его, расположенное въ Угличскомъ уѣздѣ, отправленъ былъ копіистъ Углической провинціальной канцеляріи Алексѣй Поляковъ для описанія имѣнія на государя. Поляковъ не могъ привести въ исполненіе возложеннаго на него порученія, такъ какъ оказалось, что самое имѣніе было уступлено кн. Борятинскимъ князю Михаилу Козловскому, а другихъ вотчинъ и помѣстій у Борятинскаго въ Угличскомъ уѣздѣ не было (№ 192).

Законными причинами неувки къ смотру признавались дряхлость, увѣчье и раны, дѣлавшія дворянина совершенно негоднымъ къ службѣ, и болѣзнь, лишившая его возможности ѣхать на данный смотръ. Дворяне сами заявляли о своей негодности къ службѣ и, чтобы освободиться отъ смотра, просили объ освидѣтельствованіи ихъ въ провинціальной канцеляріи. Ходатайства объ освидѣтельствованіи приносились даже въ томъ случаѣ, когда у негоднаго къ службѣ имѣлся уже указъ о полной отставкѣ. Такъ въ декабрѣ 1721 года отставной драгунъ Ѳеодоръ Сергѣевъ сынъ Жуковъ доносилъ воеводѣ, что онъ „старъ и дряхъ, и увѣчень, а отъ роду (ему) 52 лѣтъ. И въ прошломъ 718 году по указу Великаго Государя изъ Военной канцеляріи по осмотру полковника Московской губерніи оберъ-каменданга Ивана Петровича Измайлова отъ службы отставленъ вовсе и отпущенъ для постриженія въ монастырь“ (№ 184, стр. 55). Жуковъ приложилъ къ доношенію копію указа о полной отставкѣ (стр. 55—57), но тѣмъ не менѣе просилъ воеводу о томъ, чтобы его „старость, и увѣчья и раны осмотрить и описать и о томъ писать, куда надлежитъ“, а къ смотру его не высылать. Въ томъ же 1721 году городской отставной дворянинъ Василій Васильевичъ Постельниковъ въ отвѣтъ на вызовъ къ смотру доносилъ воеводѣ: „А я низкай-

¹⁾ О немъ см. I томъ актовъ, актъ № 25 и введеніе, стр. IX текстъ и примѣч. 1-е.

ний старъ, и дряхль, и глухъ, и правою рукою не владѣю, и всѣмъ увѣченъ, а отъ роду мнѣ 71 годъ и за такую старостію и дряхлостію ѣхать въ С.-Питербурхъ не могу“, и просилъ: „дабы поведѣно Е. И. В. Указомъ въ канцеляріи правницы Углецкой болѣзнь мою, и старость, и дряхлость осмотрѣть, и описать и за такую мою болѣзнею и старостію и дряхлостію, чтобъ къ смотру не высылать, и о томъ въ С.-Питербурхъ писать, чтобъ мнѣ нижепоименованному безвременно на дорогѣ не умереть“ (№ 184, стр. 58).

Болѣзнь, какъ временная причина неявки къ данному смотру, тоже требовала официальнаго засвидѣтельствванія, что и было примѣнено въ 1724 году къ стряпчему Константину Григорьевичу Недовѣскову (№ 194). Воевода поручилъ Бѣжецкому комиссару С. Ергольскому „попа Саву Дмитреева и прочихъ околнихъ людей и приходцкихъ священниковъ съ причетниками допросить и изслѣдовать, — оной Недовѣсковъ въ домѣ своемъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Бобаевѣ, боленъ лежалъ ли и какую болѣзнь, и съ котораго мѣсяца, и по которое число, и въ той болѣзни къ смотру ѣхать ему было можно ль“ (стр. 87). Комиссаръ допросилъ приходскаго священника и дьячка, и въ качествѣ околнихъ людей нѣсколькихъ старость, выборныхъ и людей изъ сосѣднихъ деревень. Священникъ давалъ показаніе „по священству“, остальные — „по заповѣди Св. Евангелія“. Всѣ единогласно показали, что именно во время смотра Недовѣсковъ „лежалъ боленъ въ безпамятствѣ и безуміи“, и что затѣмъ „приключилась ему въ томъ же 722 году параличная болѣзнь“ (стр. 88—90).

Къ смотру 1725 года относятся два документа (№№ 187 и 195). Одинъ изъ нихъ представляетъ собою „реестръ дворянъ, высланныхъ къ осмотру“ (№ 187); другой (№ 195) содержитъ въ себѣ производство о высылкѣ къ новому смотру дворянъ, прочихъ чиновъ и недорослей, которые раньше были уже на смотру въ сенатѣ, признаны по болѣзни и другимъ причинамъ негодными къ службѣ и зачислены въ окладъ платежа взаимнъ службы; въ производствѣ имѣются именныя списки такихъ лицъ, снова призванныхъ къ осмотру. Изъ указаннаго производства мы узнаемъ, что посланнымъ въ доѣздъ чинамъ поручалось, если они самихъ дворянъ не заставали дома, скзывать указъ ихъ крестьянамъ съ подпискою. „Доѣзжіе“ доносили воеводѣ: „а которыхъ самихъ въ домѣхъ не изѣхалъ, а они изъ домовъ въ отлучкахъ, — людемъ ихъ и крестьяномъ скзывать съ подпискою“ (стр. 91, 94, 95, 97, 98, 100).

Кромѣ документовъ, относящихся непосредственно къ смотрамъ, въ отдѣлѣ XI-омъ помѣщены еще два акта (№№ 196 и 198), касающіеся другихъ моментовъ обязательной дворянской службы.—замѣны ея денежнымъ окладомъ и отпуску со службы по указу.

Мы уже видѣли, что въ окладъ денежнаго платежа зачислялись тѣ дворяне, которые по болѣзни или другимъ причинамъ признавались негодными къ службѣ; такое зачисленіе носило впрочемъ временный характеръ, а не окончательный: признанные негодными приглашались къ вторичному смотру, на которомъ прежде о нихъ рѣшеніе могло быть, очевидно, измѣнено (№ 195). Но окладъ платежа могъ быть положенъ не только на негодныхъ, но и на годныхъ къ службѣ дворянъ „по ихъ дворянскимъ подпискамъ.... по ихъ прошенію и желанію, чтобъ имъ въ службѣ не быть“ (стр. 101—102). Окладъ вмѣсто службы взимался „не съ двороваго числа, но персонально“ (стр. 101).

Окладные деньги вносились дворянами неисправно: въ 1725 году камеръ-коллегія жаловалась, что „въ сборѣ тѣхъ денегъ самое малое число“ (стр. 101). Дворяне не заботились о внесении окладныхъ денегъ за прежніе годы, ссылаясь на всемилостивѣйшій указъ отъ 19 октября 1721 года объ общемъ сложении недоимокъ. Камеръ-коллегія истолковала этотъ указъ въ томъ смыслѣ, что онъ имѣеть въ виду „всѣ доимки, которые подданные по нуждѣ не заплатили“, но отнюдь не можетъ быть распространенъ на недоимки по платежу окладныхъ денегъ, которые „оные помѣщики своеручно подписались... платить... безъ доимки, и, оставя оную подписку, огуртвомъ своимъ и ослушаніемъ не платили и отъ того платежа отбывали“ (стр. 101). Вслѣдствіе этого камеръ-коллегія предписала всѣ накопившіяся на дворянахъ недоимки окладныхъ денегъ „привить на нихъ, и на людѣхъ ихъ, и на крестьянѣхъ безъ всякіе поноворки и упущенія“ (стр. 101). Воеводы поручили производство платежа комиссарамъ, предоставивъ въ распоряженіе послѣднихъ воинскія команды (№ 196).

Дворяне отпускались со службы по болѣзни подъ надзоръ мѣстнаго воеводы, который обязывался выслать отпущеннаго немедленно, когда послѣдняго „указомъ Царскаго Величества спросятъ“ или когда онъ „отъ болѣзни освободится“ (№ 198).

Въ отдѣлѣ двѣнадцатомъ помѣщены акты о крестьянахъ. Ихъ нашлось, къ сожалѣнію, немного въ изслѣдованномъ для изданія архивномъ матеріалѣ. Не смотря однако на небольшое

количество и случайный их характер, они все же иллюстрируют некоторыя стороны правового и бытового положенія крестьянъ.

Въ мартъ 1719 года поступила въ Угличскую провинціальную канцелярію челобитная помѣщицы вдовы А. О. Опочининой (№ 199) о томъ, что бобыль Иванъ Васильевъ съ сыномъ Маркомъ по переписнымъ книгамъ (7)186 году (1678 г.) написанъ въ помѣстьѣ ея покойнаго мужа Адриана Опочинина, а въ дѣйствительности владѣеть этимъ бобылемъ Данило (внукъ Максима Ивановича) Опочининъ: подати за этого бобыля приходится платить ей челобитничѣ, вслѣдствіе чего она и проситъ ушедшаго бобыля изъ переписныхъ книгъ выписать, чтобы ей не платить „спуста“. Удовлетворенія своего ходатайства челобитчица не добилаь. „По справкѣ въ Углицкой канцеляріи съ переписными 186 году книгами въ Углицкомъ уездѣ, въ Городцкомъ стану, крестьянинъ Иванъ Васильевъ съ сыномъ Маркомъ за Максимомъ Ивановымъ сыномъ Опачининымъ въ деревнѣ Дубачевѣ написанъ, а тотъ ли крестьянинъ, которой написанъ оной челобитчицы за мужемъ ее Андреяномъ Богдановымъ сыномъ Опачининымъ въ томъ же Городцкомъ стану, въ деревнѣ Хомутовѣ,—невѣдомо“ (стр. 110).

Крестьяне, записавшіеся въ вольницу въ солдаты, не возвращались своимъ владѣльцамъ, но исключались изъ подушной переписи и зачитывались владѣльцу въ рекрутскій наборъ. Въ 1724 году майоръ И. В. Козловъ просилъ государственную военную коллегію о такомъ выключеніи и зачетѣ крѣпостного его человѣка А. В. Шарова, записавшагося въ вольницу и отосланнаго въ Астраханскій полкъ. Для удовлетворенія этого ходатайства необходимо было удостовѣрить, что Шаровъ дѣйствительно крѣпостной человѣкъ Карпова. Военная коллегія поручила навести соответственную справку полковнику Борзово (№ 204). Справка удостовѣрила правильность заявленія майора Карпова. Самая справка (стр. 115—117) весьма интересна въ томъ отношеніи, что Шаровъ записанъ былъ въ крѣпостные Карпова изъ кабальныхъ; справка наведена была подробная, что дастъ намъ возможность ознакомиться по ней съ примѣненіемъ на практикѣ указа 1-го іюня 1722 г.¹⁾; справка какъ разъ и ссылается на „нынѣшнее слѣдствіе о кабальныхъ людѣхъ“; по подлинному дѣлу этого слѣдствія и было определено юридическое положеніе крѣпостного Шарова.

¹⁾ См. В. Н. Латкина, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.), изд. 2-е, СПб., 1909 г., стр. 208.

Водвореніе бѣглыхъ крестьянъ къ законнымъ владѣльцамъ производится по Уложенію (XI, 10) съ выдачею крестьянскихъ животовъ и съ взиманіемъ съ незаконнаго владѣльца той платы, которая полагалась по Уложенію „за государевы подати и за помѣщиковы доходы“, а въ XVIII вѣкѣ получила названіе пожилыхъ денегъ. Такъ, въ 1725 году управленіе Стырлицкихъ заводовъ искало на тѣхъ помѣщикахъ, у которыхъ жили въ бѣгахъ крестьяне принисныхъ къ заводамъ волостей, крестьянскихъ полковъ, а также „пожилыхъ и за работы ихъ (крестьянъ) денегъ“ (№ 205). Держаніе бѣглыхъ крестьянъ практиковалось въ довольно широкихъ размѣрахъ. Объ этомъ можно судить по тому, что нѣкоторые крупные помѣщики испрашивали и получили Высочайшія разрѣшенія на отсрочку платежа пожилыхъ денегъ на нѣсколько лѣтъ. Такая отсрочка была пожалована въ 1721 году князю Куракину, женѣ генераль-фельдмаршала Шереметева, братьямъ Нарышкинымъ. Въ 1724 году билъ челомъ сенаторъ Василій Лукитъ Долгорукой: „дабы Е. И. В. пожаловалъ его, указать по своему милостивому указу и по ево прошенію, для ево отлученія въ пожилыхъ деньгахъ пожаловать ему сроку противъ вышепоименованныхъ, чтобы ему въ пожилыхъ деньгахъ можно платежомъ исправиться“. Долгорукому пожалована была отсрочка „противъ Куракина“—на пять лѣтъ (№ 206).

Особый видъ обезпеченія интересовъ помѣщиковъ представляетъ собою отсрочка исковъ противъ крестьянъ на время дальней отлучки ихъ владѣльцевъ по службѣ въ окраинныхъ гарнизонахъ. Въ 1720 году по челобитью полковника Секіотова велѣно было: „въ помѣстныхъ и во всякихъ судныхъ дѣлахъ, кромѣ татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ, полковнику и царцынскому коменданту Сергѣю Секіотову, которые будутъ касаться до него и до людей, и до крестьянъ ево, для посылки ево на Царянинъ, по уложенію десятой главы сто сорокъ девятой статьи и по присланному Ево Царского Величества указу изъ Государственной Военной коллегіи,—отсрочить до того числа, какъ овъ Секіотовъ изъ той посылки возвратится“ (№ 200).

Два акта относятся къ уголовной отвѣтственности крестьянъ (№№ 202 и 203). Крестьяне села Никольскаго съ деревнями оказали сопротивленіе подъячому, присланному въ 1721 г. изъ канцеляріи вотчинныхъ дѣлъ для „отказа“ названнаго села за вдову Н. П. Банмакову, и затѣмъ проявили непослушаніе своей новой помѣщицѣ. За это они были присуждены къ битью на козлѣ нещадно. Приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполне-

ніе только относительно одного крестьянина. Въ октябрѣ 1722 года Ярославскій надворный судъ прислалъ Угличскому воеводѣ указъ (№ 202), въ которомъ писалъ: „а прочимъ, де, той же вотчины крестьяномъ за ихъ непослушаніе, поноровкою отъ тебя воеводы къ нимъ крестьяномъ, противъ посланнаго къ тебѣ изъ Московскаго надворнаго суда Е. И. В. указу наказанья и понышѣ не учинено“ (стр. 113). Въ виду этого Ярославскій надворный судъ послалъ для производства экзекуціи своего урядника Теодора Карачинскаго съ солдатами, предписавъ ему требовать отъ воеводы для вспоможенія служилыхъ и постороннихъ людей, сколько человекъ пристойно. — Въ 1724 году крестьянинъ вотчины кн. Репнина—Митрофановъ присужденъ былъ за держаніе въ теченіе зимы бѣглаго рекрута къ штрафу въ 36 рублей въ пользу военной коллегіи (№ 203).

Нѣкоторыя бытовныя черты возможнаго притѣсненія крестьянъ со стороны властей дасть указъ изъ юстицъ-коллегіи отъ 14 дек. 1720 г. Угличскому судѣй капитану Вельяшеву о передачѣ на его судъ дѣла о спорныхъ крестьянахъ, рѣшеннаго Ростовскимъ судьей кн. Семеновъ Шаховскимъ по недружбѣ (№ 201). Изъ приведеннаго въ указѣ челобитья мы узнаемъ, что Ростовскій судья бралъ крестьянъ въ судъ и въ тюрьму въ „работную пору“,—въ сѣнокосъ, въ пашню и въ жнитво и этимъ разорялъ ихъ.

Нѣкоторыя стороны юридическаго и экономическаго быта крестьянъ освѣщаются въ явочныхъ челобитныхъ (отд. XV). Ихъ мы и отмѣтимъ при обзорѣ послѣднихъ.

Отдѣлъ тринадцатый посвященъ актамъ, относящимся къ гражданскому праву. Всѣ приведенные акты касаются укрѣпленія разнаго рода правъ на недвижимыя имущества и представляютъ собою указы юстицъ-коллегіи и вотчинной конторы, предписывавшіе воеводѣ произвести на мѣстѣ справку и запись недвижимаго имущества за соответственнымъ лицомъ, и только одинъ изъ приведенныхъ актовъ представляетъ собою челобитную заинтересованной стороны. По содержанию приведенные акты могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) укрѣпленіе купленныхъ помѣстій и вотчинъ (№№ 207, 208, 209) съ приложеніемъ отказныхъ книгъ (№ 208, 209); 2) укрѣпленіе недвижимаго имѣнія по просроченной закладной („и послѣ срока та закладная и купчая“,—№№ 210 и 211); 3) поворотъ поступнаго прожиточнаго помѣстья вдовы (№ 214); 4) укрѣпленіе въ правахъ наслѣдства, — справка наслѣдственнаго имѣнія за дочерью (№ 213) и раздѣлъ оставшагося послѣ

замужней женщины имѣнія между сестрой ея и мужемъ (№ 212);
5) духовное завѣщаніе (№ 215).

Слѣдуетъ отмѣтить, что отказъ недвижимыхъ имуществъ по купчимъ и просроченнымъ закладнымъ производился въ однихъ случаяхъ безъ допроса сторонъ (№№ 208 и 210), въ другихъ — съ допросомъ (№№ 207 и 211). Такимъ образомъ оказывается, что и послѣ указовъ 1682 и 1684 гг. допросъ по купчимъ и закладнымъ, по которымъ не было спора, не уничтожился совершенно, какъ это принято полагать¹⁾.

Приведенное духовное завѣщаніе (№ 215) обращаетъ на себя вниманіе сложностью своего состава: въ немъ къ завѣщанію отца присоединено отреченіе матери отъ ея вдовьей доли и приданого.

Въ одномъ изъ приведенныхъ актовъ (№ 210) мы наблюдаемъ порядокъ, по которому взысканіе штрафовъ въ пользу казны съ недвижимаго имущества производилось предпочтительно предъ удовлетвореніемъ претензій частныхъ лицъ: отказъ по закладной былъ отмѣненъ вслѣдствіе того, что заложенное имѣніе было обращено на уплату штрафа въ пользу казны (стр. 134).

Что касается формальностей совершенія актовъ по укрѣпленію имуществъ, можемъ отмѣтить, что акты скрѣплялись собственноручной подписью участниковъ или же по ихъ прошенію прилагали за нихъ руку другія лица. Нормальными замѣстителями въ приложеніи руки считались отцы духовные сторонъ и ихъ родственники. Если же прилагали руку другія, постороннія лица, то объ этомъ дѣлалась нерѣдко специальная оговорка. Такъ въ концѣ акта допроса по закладной читаемъ: „Къ сему допросу села Боженокъ священникъ Назаръ Васильевъ, вмѣсто стольника князь Федора князь Матвѣева сына Щербатова, по его прошенію, руку приложилъ, понеже въ близости отца ево духовнаго не имѣется, а братья ево родные, которые умѣющіе грамотъ, князь Осипа Щербатова и князь Ивана Щербатова, въ домѣхъ ихъ не имѣется“ (стр. 142).

Въ четырнадцатомъ отдѣлѣ помѣщены акты, служащіе къ бытовой и хозяйственной характеристикѣ мѣстной жизни.

Относительно хозяйственной жизни провинціи приведенные акты сообщаютъ слѣдующія данныя: 1) о количествѣ потребляемой соли (№№ 216, 217, 218), 2) о торговыхъ сношеніяхъ съ Макарьевской ярмаркой (№ 220), 3) о кабакахъ и пивномъ

¹⁾ См. *Е. А. Невольинъ*. Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ. Поля. Собр. Сочин., 1857 г., т. IV, стр. 183 и 391.

вареніи въ Угличѣ (№ 221), 4) о практиковавшихся способахъ выдѣлки кожи¹⁾ (№ 227), 5) о поставкѣ стерлядей про обихоль Е. И. В.²⁾ (№ 228), 6) перепись рыбныхъ ловель на Волгѣ и ея притокахъ въ предѣлахъ провинціи въ 1728 году (№ 229)³⁾, 7) переводъ ружнаго жалованья церкви св. Димитрія Царевича въ Угличѣ съ денегъ на казенные товары (№ 222).

Къ бытовой характеристикѣ мѣстности служатъ слѣдующія сообщаемыя актами свѣдѣнія: 1) объ опредѣленіи комиссара къ раскольничьимъ дѣламъ по Ростовской епархіи⁴⁾ (№ 223), 2) о разбояхъ въ провинціи, вызвавшихъ посылку „добрыхъ партій“ для ихъ прекращенія⁵⁾ (№ 226), 3) о выдѣлкѣ „воровскихъ“ (фальшивыхъ) денегъ въ Ярославлѣ (№ 225), 4) о столкновенияхъ между должностными лицами, доходившихъ до драки (№ 224).

Одинъ изъ приведенныхъ актовъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе съ формальной стороны. Это именно—указъ изъ Угличской провинціальной канцеляріи отъ 17 іюня 1723 года въ Бѣжецкій уѣздъ о посылкѣ „добрыхъ партій“ изъ мѣстныхъ воинскихъ командъ для прекращенія разбоевъ, съ предписаніемъ населенію полагать офицерамъ извѣстіе о появленіи воровскихъ людей (№ 226). Указъ этотъ адресованъ не комиссару, но „въ монастырскія, и помѣщичьыя, и вотчинничьыя въ села и деревни прикащикомъ, и старостамъ, и крестьянѣмъ, и всякихъ чиновъ людемъ“ (стр. 169). Такое непосредственное обращеніе воеводы къ населенію уѣзда представляетъ собою исключительное явленіе въ практикѣ Угличской провинціальной канцеляріи.

Въ отдѣлѣ пятнадцатомъ помѣщены явочныя челобитныя⁶⁾. Онѣ даютъ весьма разнообразный и богатый матеріалъ для характеристики правового быта эпохи; поэтому мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Явочныя челобитныя, или челобитья, носятъ иногда сокращенное названіе „явки“ (№ 251), а также называются „прошеніями“ (№№ 250, 251 и 252). Въ одномъ случаѣ явочное

¹⁾ См. I томъ актовъ, № 96 и введение, стр. XXXIX—XL.

²⁾ См. II томъ актовъ, № 170.

³⁾ Перепись была произведена повсемѣстно въ связи съ послѣдовавшей въ 1727 году отдачей рыбныхъ ловель изъ казны частнымъ владѣльцамъ на вѣчное содержаніе. См. *Е. А. Невольникъ*, Исторія рос. гражд. законовъ, Полн. собр. сочин., т. IV, 1857 г., стр. 341—342.

⁴⁾ О количествѣ раскольниковъ въ Угличской провинціи, см. I томъ актовъ, введение, стр. XXIX, прим. 1-е.

⁵⁾ См. *М. М. Ботословскій*, назв. соч., стр. 95.

⁶⁾ Только одна челобитная (№ 232) представляетъ собою прошеніе о выдѣлкѣ послужнаго указа для ввода во владѣніе помѣстьемъ, отказаннымъ по проероченной закладной.

челобитье названо „ставочнымъ“ (№ 270), въ другомъ— „доношеиёмъ“ (№ 278). Последнее название является попросту случайной и ничѣмъ не мотивированной поддѣлкой подъ терминологию служебныхъ сношеній; первое же находитъ объясненіе въ обстоятельствахъ дѣль. Стороны назначили себѣ полюбовный срокъ, на который они должны были *стать* на судъ. Одна изъ сторонъ *стала* въ срокъ, другая нѣтъ. Ставшая сторона подала челобитье объ этомъ, которое и назвала *ставочнымъ*, каковой терминъ встрѣчается въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (XVI, 65).

Содержаніе явочныхъ челобитныхъ составляетъ прежде всего заявленіе заинтересованной стороны о какомъ либо дѣйствиіи или происшествіи, влекущемъ или могущемъ повлечь за собою юридическія послѣдствія¹⁾. Дѣйствія и происшествія, о которыхъ заявляютъ, въ высшей степени многообразны.

На первый планъ могутъ быть поставлены заявленія потерпѣвшихъ о всевозможныхъ преступленіяхъ, учиненныхъ надъ личною и имуществомъ какъ ихъ самихъ, такъ и лицъ, имъ родственныхъ и подвластныхъ. Въ приведенныхъ челобитныхъ имѣются такія заявленія: объ убійствѣ (№ 236), боѣ и увѣчин (№№ 230, 264, 271), объ истязаніяхъ (№ 252), всякаго рода насиліяхъ и самоуправствѣ (№№ 234, 248, 265, 268), о приходѣ и наездѣ на домъ и имѣніе (№№ 238, 245, 254), о разбоѣ (№ 252), грабежѣ (№№ 264, 268), кражѣ (№№ 260, 277), о пожогѣ строеній и дворянностей (№№ 246, 259), объ увозѣ дворовыхъ людей (№ 235), о ложномъ челобитѣ (№ 267) и др. Особо могутъ быть отмѣчены заявленія о похвальбѣ. Челобитчики заявляютъ, что разныя лица похваляются на нихъ или на ихъ людей смертнымъ убійствомъ (№ 264), поджогомъ (№ 234), увозомъ людей (№ 235), вообще всякими злыми дѣлами (№ 262).

Заявленія дѣлаются не только о совершенныхъ преступленіяхъ, но и о подозрительномъ поведеніи, отъ котораго можно ожидать и совершенія преступленій. Такъ, староста Кашинской вотчины В. С. Толкачева бьетъ челомъ о томъ, что нѣкоторые крестьяне „отходятъ отъ домовъ своихъ тайно отъ сосѣдъ своихъ, по ночамъ, незнамо куды, и оные крестьяня стали быть ни въ чемъ непослушны“ и выражаетъ при этомъ опасеніе, что „оные

¹⁾ О явочныхъ челобитныхъ см. *И. Н. Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе Россіи XVIII вѣка до Учрежденія о губерніяхъ, часть I, Москва, 1876 г., стр. 114—116.

вышеозначенные крестьяня явятца гдѣ на какихъ-нибудь воровствахъ“ (№ 241).

Предметомъ явочныхъ челобитныхъ бываютъ не только преступленія, но и тѣ дѣйствія, которыя предпринимаются потерпѣвшими для ихъ обнаруженія, именно, — гоненіе слѣда (Уложеніе XXI, 60). Такъ, потерпѣшіе бьютъ челомъ о томъ, какъ они „ходили слѣдомъ“, куда „тѣмъ слѣдомъ пришли“, кто „слѣду отъ себя не отвелъ“, какъ они его взяли и отдали въ приказную избу (№№ 255 и 277). Противная сторона, уличенная слѣдомъ, находила въ иныхъ случаяхъ неправильными дѣйствія шедшихъ по слѣду и въ свою очередь приносила явочное челобитье о томъ, что они „пріѣзжали незнамо по какому умыслу, приличая, будто незнамо хъ какому воровству слѣдомъ.... безъ окольныхъ людей“ и „не показавъ слѣду“ старостѣ насильно брали и „отбивали“ крестьянъ изъ вотчины (№ 254).

Явочныя челобитья подавались также потерпѣвшими по поводу насильственнаго завладѣнія ихъ земельнымъ имуществомъ (№№ 242, 271) или самовольной порубки заповѣднаго лѣса (№ 272).

Часты заявленія о побѣгѣ крестьянъ. Подають ихъ сами помѣщики или ихъ управители, — приказчики и старосты изъ крестьянъ, — и заявляютъ, что такіе то вотчинные крестьяне „покинувъ тяглые свои жеребьи, бѣжали зъ женами и дѣтьями“ (№ 249); въ одномъ случаѣ староста монастырской вотчины откровенно заявляетъ, что „бѣжали крестьяне отъ хлѣбной скудости“ (№ 247); въ другомъ случаѣ староста вотчины кн. О. С. Щербатова еще болѣе краснорѣчиво сообщаетъ, что „дворовые люди Аввакумъ Степановъ, Козьма Нахомовъ сошли собою безъ отпуску за хлѣбною скудостью для прокормленія въ міръ прошенія милостыни незнамо куда, про которыхъ помѣщику и крестьяномъ ево и понынѣ, гдѣ они живутъ, извѣстія никакова нѣтъ“ (№ 240). Особыя заявленія подаются о крестьянахъ, отпущенныхъ помѣщикомъ на время и не возвратившихся въ срокъ. Староста вотчины кн. А. Ю. Щербатова бьетъ челомъ, что „отпущены были крестьяня за хлѣбною скудостью для прокормленія въ работу и прошенія милостыни до срока сего 723 году Маія до перваго числа.... И оные крестьяня зъ женами и дѣтьями на оное срочное число въ тѣ свои деревни не бывали, также и понынѣ не являютца, а гдѣ живутъ, невѣдомо“ (№ 239). О побѣгѣ крестьянъ, заявляютъ не только помѣщики, но и тѣ лица, у которыхъ крестьяне находятся во

временномъ услуженіи. Такъ, работникъ питейнаго откупщика Рыбицкой слободы бьетъ челомъ, что такіе то крестьяне нанялись у хозяина его на годъ и, не досидѣвъ срока, „съ кабаковъ, оставя питейную продажу, не считаны, и не отдавъ денежной казны, бѣжали“ (№ 251).

Явочныя челобитныя подются потерпѣвшими о неисполненіи ихъ контрагентами принятыхъ на себя обязательствъ по договорамъ. Таковы челобитныя о неисполненіи предбрачной любовной записи между зятемъ и тестемъ (№ 237), о неисполненіи раздѣльной записи (№ 243), о невыкупѣ закладной на имѣніе, послѣдствіемъ чего должно быть превращеніе закладной въ купчую (№ 257), о нарушеніи договора о томъ, чтобы „въ кражахъ раздѣлатьца и виновнаго поставить“ (№ 260), о неисполненіи мировой по держанію бѣглаго и уплатѣ ножиныхъ денегъ (№ 261), о неявкѣ въ полюбовный срокъ на судъ (№ 270).

Въ особую группу могутъ быть выдѣлены заявленія о подложныхъ и обманно добытыхъ письменныхъ актахъ по гражданскимъ сдѣлкамъ. Сюда относятся челобитыя о „неправой подложной воровской продажѣ“ помѣстья (№ 250), о купчей, выданной безденежно въ пьяномъ видѣ „въ безуміи и безпамятствѣ“ (№ 256), о „неправой духовной“ (№ 275).

Путемъ явочной челобитной уничтожается довѣренность, выданная на хожденіе по дѣламъ. Угличскій помѣщикъ Н. С. Григорьевъ, уѣзжая на службу въ Вологодскую провинцію, приказалъ въ помѣстьѣ своему человѣку своему Игнатью Мячину „по дѣламъ ходить“. Затѣмъ помѣщикъ узналъ, что названный человѣкъ его пьетъ, бражничаетъ и живетъ непорядочно. Вслѣдствіе этого онъ билъ челомъ въ Угличскую провинціальную канцелярію о томъ, „чтобъ на имя ево Мячина никакихъ крѣпостей не писать“ (№ 273).

Заинтересованныя лица подаютъ властямъ явочныя челобитыя о пропавшъ писемъ и крѣпостей (№ 233), а также о сгорѣвшихъ документахъ (№ 278). Неимѣніе документа, представленіе котораго требуютъ власти, тоже служитъ предметомъ спеціального заявленія въ явочномъ челобитѣ (№ 263).

Особую группу составляютъ заявленія потерпѣвшихъ о несчастныхъ происшествіяхъ, причинившихъ имъ имущественный ущербъ. Такова явочная челобитная объ аваріи судна съ солянымъ грузомъ (№ 279)¹⁾. Къ этой же группѣ могутъ

¹⁾ См. №№ 174—176.

быть отнесены явочныя челобитья объ умершихъ крестьянахъ (№ 249).

Въ провинціальную канцелярію подавались явочныя челобитья также о незаконныхъ дѣйствіяхъ низшихъ властей. Такъ, сынъ церковнаго старосты церкви Царевича Дмитрія въ Углицѣ билъ челомъ о томъ, что Углицкій магистратъ неправильно выслаалъ отца его на службу въ Весь-Егонскую для сбора Е. И. В. денежной казны. Незаконность магистратскаго опредѣленія челобитчикъ доказывалъ слѣдующимъ образомъ: „А указомъ Е. И. В. въ Углицкой магистратъ повелѣвается, чтобъ во оную Весь-Егонскую къ показаннымъ зборамъ выслаать людей первостатейныхъ ¹⁾ изъ обыкновенныхъ, а отецъ мой не первостатейной и у такихъ сборовъ не бывалъ и не за обыкновенное ево дѣло взять отъ означенной церкви Божія безвременно“ (№ 253).

Предметомъ явки могутъ быть собственныя и вопліи закономѣрныя дѣйствія лица, которое доводитъ о нихъ до свѣдѣнія власти, чтобы удостовѣрить фактъ записью въ официальные книги и тѣмъ оградить себя отъ всякихъ подозрѣній въ правильности своего образа дѣйствій. Такъ, староста Кашиинской вотчины Д. Я. Нелидова бьетъ челомъ о томъ, что онъ взялъ изъ пожитковъ умершаго крестьянина лошадей съ жеребенкомъ и продалъ ихъ, чтобы вырученными деньгами уплатить подати, которая правилъ съ двора умершаго Кашиинскій комиссаръ (№ 258). Полковничья вдова В. М. Коретина бьетъ челомъ о томъ, что приняла къ себѣ „во услугу“ крестьянскую вдову изъ монастырскаго вотчины по покормежному писму, оставляетъ копію послѣдняго въ провинціальной канцеляріи и проситъ все это „записать въ книгу, и съ той записки дать (ей) впредь для какого спору копію“ (№ 274).

Наконецъ, явка дѣлается отдѣльными лицами во исполненіе предъявленныхъ къ нимъ требованій закона. Такъ, въ 1721 году явилась въ Кашиинскую канцелярію судныхъ и разсыскныхъ дѣлъ каменщикова вдова монастырская крестьянка Якимова и заявила: „и я, низкайшая, послѣ ево (т. е. мужа своего) изъ того (монастырскаго) села за скудостію своею, потому что стало пить и ѣсть нечего, въ прошломъ же 710 году пришла въ городъ Кашиинъ для прокормленія и жила я, низкайшая, съ того году въ Кашиинѣ на посадѣ и по се число, кормилась работою своею въ разныхъ мѣстѣхъ. А нынѣ по

¹⁾ О первостатейныхъ см. А. А. Кизеветтеръ, Посадская община въ Россіи въ XVIII ст., Москва, 1903 г., стр. 345—352 и 642—643.

твоему Государеву указу припыхъ и бѣлыхъ людей безъ свободныхъ писемъ нигдѣ держать не велѣно; и по тому твоему Государеву указу безъ свободного письма въ Кашигѣ на посадѣ никто меня держать не смѣетъ, и нынѣ я, низкайшая, пришла въ Кашиинскую канцелярію объявитьца“ (№ 231); при этомъ челобитница просила о выдачѣ ей требуемаго по указу „свободнаго письма“.

Цѣль, которую преслѣдуютъ явочныя челобитныя, заключается въ обезпеченіи удовлетворенія потерпѣвшаго или же въ предотвращеніи всякаго рода невыгодныхъ для челобитчика послѣдствій.

Что касается явочныхъ челобитій потерпѣвшихъ объ учиненныхъ надъ ними или ихъ имуществомъ преступленійхъ, то во многихъ изъ нихъ ничего не говорится о цѣли ихъ подачи (см. №№ 252, 265, 268, 238, 254). Очевидно, что общей цѣлью въ данномъ случаѣ является обезпеченіе доказательствъ для предстоящаго розыска и суда. Цѣль эта вполне очевидна въ тѣхъ случаяхъ, когда къ челобитьямъ прилагается подробная опись и оцѣнка покраденаго (№№ 244, 252, 268), или подметное письмо воровскихъ людей (№ 238), или когда потерпѣвшій послѣ подачи челобитной подвергается по его просьбѣ „осмотру боя, ранъ и увѣчій“ (№№ 230, 245). При заявленіи объ убійствѣ представляется мертвое тѣло не только для его „осмотра“, но и для полученія полицейскаго разрѣшенія на его погребеніе (№ 236).

Въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ о преступленіи челобитчикъ тутъ же оговариваетъ, что онъ по этому дѣлу будетъ искать впродъ, причемъ въ однихъ случаяхъ не дается никакого объясненія, почему искъ не вчиняется немедленно (№№ 230, 246), въ другихъ же случаяхъ такое объясненіе дается. Такъ, челобитчикъ ограничивается явкой и обѣщаетъ искать впродъ, потому что „нынѣ (ему) искать въ скорыхъ числѣхъ невозможно, понеже опредѣленъ (онъ) въ Попехонской провинціи у дѣтъ“ (№ 267). Другой, присылая явку, пишетъ: „а какъ я, низкайшій, отъ полку буду свободенъ, и о томъ В. И. В. буду бить челомъ и искать впродъ“ (№ 248). Вообще служба являлась главнымъ препятствіемъ къ непосредственному вчиненію иска: за отсутствующихъ подавали явочныя челобитья ихъ родители (№ 235) или приказчики и старосты изъ крестьянъ (№№ 260, 277), оговаривая, что ихъ дѣти или господа „какъ съ Государевы службы въ домъ свой придутъ, и они о томъ будутъ Великому Государю бить челомъ и искать“. Въ иныхъ случа-

яхъ челобитчикъ ограничивается одной лишь явкой вслѣдствіе немѣня достаточныхъ полномочій для предъявленія иска. Староста, принося явку, обѣщаетъ искать по дѣлу, когда получитъ „повелительное письмо“ отъ своего господина, находящагося въ отсутствіи на полковой службѣ (№ 277). О насильственномъ завладѣніи архіерейской землей заявляетъ сторожъ архіерейскаго приказа, указывая, что „насилнаго владѣнія, и пожатого хлѣба и капусты, также и бою домовыхъ людей, будетъ просить впредь тотъ, кому по указу преосвященнаго архіерея повелѣно будетъ“ (№ 271).

Въ одномъ заявленіи о пожогѣ челобитчикъ кромѣ общей цѣли явки преступленія имѣетъ въ виду специально довести до свѣдѣнія властей, что отъ пожара люди и крестьяне его вотчинника „пришли во всеконечное убожество и дневной пищи не имѣютъ, и Вашихъ Императорскаго Величества податей платить стало нечѣмъ“ (№ 259).

Оригинальную цѣль преслѣдуетъ явочное челобитіе дворянина М. И. Зеновьева (№ 245). Челобитчикъ заявляетъ, что его усадьба и крестьяне подвергаются систематическимъ наѣздамъ и насиліямъ со стороны Дмитрія Ивановича Алсуфьева и его команды. Прося занести челобитіе въ книгу, Зеновьевъ ходатайствуетъ: „(если) ради ево Дмитріева впредь на меня нижепоименованнаго, и на людей нашихъ, и на крестьянъ въ усадьбы наши и въ деревню наѣзду и посылкокъ отъ ево команды солдатъ учинитца у насъ отъ себя боронясь какое художество, и о томъ чтобъ мнѣ отъ В. И. В. не быть въ штрафѣ, а людямъ нашимъ и крестьяномъ не быть въ наказаніи“ (№ 245). Такое стремленіе обезпечить себѣ неотвѣтственность по возможной въ будущемъ необходимой оборонѣ нельзя не признать весьма оригинальнымъ. Само собою очевидно, что подобныя заявленія рѣзко противорѣчили узкимъ предписаніямъ Военскаго Артикула о необходимой оборонѣ и могли уживаться развѣ лишь съ болѣе широкой постановкой этого института по Уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Въ явочныхъ челобитьяхъ о „похвальбѣ“ имѣется въ виду главнымъ образомъ довести до свѣдѣнія властей имена похвалявшихся, съ тѣмъ чтобы они въ первую голову были привлечены къ розыску, если надъ челобитчикомъ будетъ учинено какое либо преступленіе. Такъ, староста вотчины капитана И. С. Алмазова бьетъ челомъ на крестьянъ помѣщицы Коновницыной, что они не только чинятъ всякія насилія надъ крестьянами Алмазова, но и похваляются на нихъ смертнымъ убій-

ствомъ, „въ чемъ мы“, пишетъ челобитчикъ, „отъ нихъ въ убивствѣ имѣемъ не малое опасеніе“; челобитная заключается слѣдующимъ заявленіемъ относительно будущаго: „и ежели впредь, ѣздячи въ оное село на ярмонки, мнѣ или другимъ помѣщика моего крестьяномъ учинится смертное убивство или грабежъ, и мы, кромѣ оныхъ Коновницыной крестьянъ, злодѣевъ на себя никого не знаемъ“ (№ 264). Въ другихъ случаяхъ челобитчики выражаютъ ту же мысль болѣе кратко: говорить о своемъ опасеніи по поводу похвальбы и заявляютъ, что кромѣ похвалявшихся „супостатовъ иныхъ“ или „пасердниковъ иныхъ“ никого на себя не знаютъ (№№ 262, 234).

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ разобранныхъ нами челобитныхъ мы не нашли ни одного прошенія о выдачѣ „опасной грамоты“, предусмотрѣнной при похвальбѣ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (X, 133).

Заявленіе о подозрительномъ поведеніи, которое можетъ повести къ преступленію, имѣетъ въ виду оградить отъ возможной отвѣтственности въ будущемъ тѣхъ, кому подозрительныя лица подвѣдомственны. Староста вотчины В. С. Толкачева, заявляя о подозрительномъ поведеніи нѣкоторыхъ крестьянъ, говоритъ: „и ежели оныя вышеозначенныя крестьяня явятца гдѣ на какихъ нибудь воровствахъ, чтобъ въ томъ ихъ воровствѣ вотчиннику моему и людямъ и крестьянямъ его въ штрафѣ не быть и напрасныхъ бы исцовыхъ исковъ не платить“ (№ 241).

Явочныя челобитныя о гоненіи слѣда направлены на возбужденіе розыска въ порядкѣ, опредѣленномъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (XXI, 60).

Заявленія о насильственномъ завладѣніи поземельной собственностью сопровождаются оговоркой, что искъ по нимъ будетъ вчиненъ впредь (№№ 242, 271, 272).

Въ явочныхъ челобитныхъ о побѣгѣ, неявкѣ въ срокъ и вообще о безвѣстномъ отсутствіи крестьянъ имѣется въ виду главнымъ образомъ оградить помѣщика и крестьянскую общину отъ отвѣтственности за возможные преступления бѣглыхъ (№№ 239, 240, 247, 249, 266, 276),—„ежели оныя (бѣглые) крестьяня зъ женами и зъ дѣтьми гдѣ явятца на какихъ татбахъ и воровствахъ, и разбояхъ, и на смертныхъ убивствахъ, и въ иныхъ какихъ притчинахъ,—чтобъ помѣщику и людямъ и крестьяномъ отъ Вашего И. В. въ штрафѣ не быть, также и исцовыхъ исковъ напрасно не платить“ (№ 239). Въ иныхъ случаяхъ придается той же мысли нѣсколько другая формулировка. Староста монастырской вотчины пишетъ въ своемъ явочномъ че-

лобитѣ о бѣжавшихъ крестьянахъ: „и опасны мы того, ежели они, будучи въ бѣгахъ, явятца гдѣ на татѣбахъ или на разбояхъ или въ другихъ какихъ причинахъ, чтобъ вотчины монастыря нашего крестьяномъ не быть въ напрасномъ платежѣ штрафа и въ исцовы искы вытей и отъ того бѣ въ раззореніи не быть“ (№ 247). Иногда выражаются болѣе кратко: „и ежели гдѣ оной (бѣглый) крестьянинъ явитца на татѣбахъ и на воровствахъ, чтобъ помѣщику и людямъ, и крестьяномъ въ пейѣ и въ раззореніи не быть“ (№ 266).

Питейный откупщикъ, отъ котораго бѣжали служившіе у него по найму крестьяне, заявляя объ этомъ, желаетъ обезпечить себѣ взысканіе съ нихъ денегъ по продажѣ питей, въ которыхъ они не дали ему отчета. Въ челобитной, подаваемой работникомъ откупщика, сказано: „а что какихъ на нихъ за оную питейную продажу по счету явитца на комъ начетныхъ денегъ, о томъ оной хозяинъ мой, освѣдомясь зъ записными книгами, В. И. В. виредь принесетъ челобитную“ (№ 251).

Помѣщикамъ приходилось платить подати за своихъ бѣглыхъ крестьянъ. Въ одной челобитной говорится объ этомъ тономъ жалобы: „онѣ бѣглецы, не хотя работы работать у помѣщика моего и бѣжавъ за публикованными указы и свидѣтельства мужеска полу души въ укрывательствѣ незнаемо гдѣ пребываютъ побѣгомъ своимъ, а подушныя децги съ нихъ платятца въ казну съ помѣщика моего“ (№ 276)¹⁾. Для освобожденія помѣщика отъ платы податей за бѣглыхъ, какъ и за умершихъ крестьянъ требовалось официальное засвидѣтельство „пустоты“²⁾. Просьбу о такомъ освидѣтельствованіи и освобожденіи отъ соответственной платы находимъ всего лишь въ одной изъ приведенныхъ челобитныхъ, — „а пустые тѣхъ бѣглыхъ и умершихъ дворы и жеребьи осмотрѣть и описать, и о томъ хъ комиссару Супоневу послать свой И. В. указъ, и чтобъ податей за тѣхъ бѣглыхъ и умершихъ зъ дворовъ ихъ не править“ (№ 249).

Въ большинствѣ явочныхъ челобитій о неисполненіи договоровъ не указывается опредѣленно цѣль ихъ подачи (№№ 237, 243, 257, 261, 270). Очевидно, однако, что челобитчики имѣютъ въ виду обезпечить себѣ основаніе для будущаго иска. Въ иныхъ случаяхъ это прямо и отмѣчается (№ 260).

Заявленія о подложныхъ и объ обманно добытыхъ письменныхъ актахъ гражданскаго оборота имѣютъ цѣлью добиться

¹⁾ См. № 199.

²⁾ О „пустотѣ“ см. I томъ актовъ, введение, стр. LIV.

признанія этихъ актовъ недѣйствительными. Челобитчикъ проситъ, „чтобъ такой подложной купчей крѣпости Ваше Императорское Величество не указалъ вѣрить“ (№ 256) или „ежели по той неправой духовной въ Угленскую провинцію на помѣстьѣ умершаго дяди моего явитца объ отказѣ указъ, чтобъ по тому указу до подлиннаго нашего челобитья тѣхъ помѣстей и вотчинъ... не записывать“ (№ 275).

При заявленіи о неимѣніи и утратѣ официального документа челобитчикъ имѣетъ, очевидно, въ виду обезпечить себя отъ невыгодныхъ отъ этого послѣдствій, хотя специально и не оговариваетъ этого (№№ 263 и 278). При пропаяѣ частного документа челобитчикъ проситъ: „а гдѣ та закладная явитца, не вели, Государь, вѣрить“ (№ 233).

Дѣлая явку объ аваріи судна съ солянымъ грузомъ, челобитчикъ ограждаетъ себя этимъ отъ отвѣтственности за погибшую соль: „чтобъ мнѣ“, пишетъ онъ, „такъ же и порутникомъ моимъ въ потопѣ оной соли во всеконечномъ раззореніи напрасно не быть“ (№ 279).

Заявленіе о незаконномъ назначеніи на службу тоже имѣетъ въ виду огражденіе неправильно назначеннаго отъ отвѣтственности по неуправленію неподходящей для него должности: „чтобъ за такимъ необычнымъ дѣломъ... Е. И. В. денежной казнѣ не учинить какой траты“ (№ 253).

Приведенныя явочныя челобитныя содержатъ немало данныхъ для характеристики юридической практики, а также экономического и общаго быта провинціи. Отмѣтимъ важнѣйшія изъ нихъ.

Бои, раны и увѣчья на потерѣвшихъ, а также мертвыя тѣла подвергались въ провинціальной канцеляріи осмотру. Мы нигдѣ не нашли слѣда, чтобы въ Угличской провинціи имѣлся какой либо представитель медицинскаго персонала, хотя бы фельдшеръ¹⁾. Осмотры производились очевидно канцелярскими чинами, и результаты ихъ формулировались не въ медицинскихъ терминахъ; тѣмъ не менѣе формулировкѣ этой нельзя отказать въ яркости и выразительности. „А по осмотру на немъ Анисимѣ бою: у обѣихъ глазъ подбито сине и багово, на лѣвой щекѣ и лобъ ошибено до крови, на спинѣ на лѣвомъ боку вепухло“ (№ 230). „А по осмотру на немъ, Сергѣѣ бою: на спинѣ вдоль и поперекъ бита знатно батожемъ, и рубцы знатъ кровавы, и правый бокъ весь синь“ (№ 245). „А по осмотру

1) См. *М. М. Богословскій*, назв. сочин. стр. 97.

на томъ Ивановъ мертвомъ тѣлѣ явилось бою: голова о затылкѣ въ пяти мѣстѣхъ проломана до мозгу, правое ухо расшиблено на двое и отъ тѣхъ проломанныхъ ранъ оное мертвое Иваново тѣло все въ крови“ (№ 236).

Изъ одной челобитной узнаемъ, что актъ осмотра на мѣстѣ спорной земли носить техническое названіе „дохожей памяти“ (№ 271, пунктъ 4-ый). Этотъ терминъ находится въ ближайшей связи съ „наѣздомъ“, или съ „доѣздомъ“, который представляли должностныя лица объ исполненіи на мѣстѣ возложенныхъ на нихъ порученій (см. № 195, стр. 91, 95; № 182, стр. 23; № 186, стр. 64; № 192, стр. 83).

Въ нѣсколькихъ челобитныхъ находимъ обстоятельное описаніе гоненія слѣда, или, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, хожденія слѣдомъ (№№ 254, 255, 277). Изъ одной челобитной узнаемъ, что и въ XVIII вѣкѣ нѣкоторыя уголовныя дѣла, именно, дѣла о кражѣ могли кончатся мировой сдѣлкой стороны, что называлось „здѣлатьца безъ челобитья“ (№ 277).

Къ одной изъ челобитныхъ приложено подметное письмо воровскихъ людей, вымогавшихъ у окрестнаго населенія пятьсотъ рублей (№ 238). Оказывается, что техника „экспроприаціи“ въ XVIII вѣкѣ не уступала современной.

Къ явкамъ покражъ и пожаровъ нерѣдко прилагались подробныя описи покраденаго и сгорѣвшаго имущества. У насъ приведены описи двухъ сгорѣвшихъ дворянскихъ усадебъ (№№ 246 и 259), а также пограбленныхъ и покраденныхъ пожитковъ помѣщика (№ 252), церковнаго дьячка (№ 268) и монастырскаго бобыля (№ 244). Всѣ эти росписи знакомятъ насъ весьма подробно съ домашнимъ обзаведеніемъ указанныхъ лицъ и съ цѣнами того времени.

Выше при обзорѣ отдѣла XII-го мы указали, что немало данныхъ для характеристики правового и экономическаго быта крестьянъ даютъ явочныя челобитныя. Теперь постараемся отмѣтить эти данныя.

Въ нѣсколькихъ челобитныхъ находимъ свидѣтельство того, что крѣпостнымъ крестьянамъ приходилось страдать отъ „хлѣбной скудости“. Отъ этой „хлѣбной скудости“ крестьяне бѣгутъ, и вотчинные старосты и приказчики безъ всякаго стѣсненія заявляютъ властямъ, что „бѣжали крестьяне отъ хлѣбной скудости“ (№ 247) или „сошли собою безъ отпуску за хлѣбную скудостью для прокормленія въ міръ прошенія милостыни“ (№ 240). Помѣщики сами отпускаютъ крестьянъ по той же причинѣ хлѣбной скудости и съ тою же цѣлью—„для прокор-

мленія въ работу и прошенія милостыни“ (№№ 239 и 269). Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, насколько игнорировались и помѣщиками, и представителями власти на мѣстахъ указы, возлагавшіе на помѣщиковъ обязанность кормить и содержать немущихъ крестьянъ въ голодное время¹⁾.

При временномъ отпускѣ на частные заработки крестьяне получали отъ помѣщика особый видъ, — т. е. „покормежную“ (№ 269), или „покормежное письмо“; образецъ послѣдняго приведенъ у насъ въ приложеніи къ одному изъ челобитій (№ 274, стр. 318). Крестьяне, отпущенные на заработки, нанимались въ услуженіе какъ къ дворянамъ (№ 274), такъ и къ посадскимъ (№ 251).

Крестьянинъ, возвращенный изъ бѣговъ, носилъ специальное названіе „бѣглаго привозного“ (№ 266, пунктъ 4-ый). Бѣглый подлежалъ возвращенію отъ помѣщика, который держалъ его въ бѣгахъ, съ женою, дѣтьми и съ пожитками; первоначальный владѣлецъ долженъ былъ выдавать росписку въ приѣмъ своего крестьянина, возвращеннаго изъ бѣговъ (№ 266, пунктъ 2-ой). Дѣла по держанію бѣглыхъ помѣщики иногда кончали между собою мировыми сдѣлками (№ 261) такъ-же, какъ это практиковалось и въ XVII столѣтіи.

Помѣщики довѣряли лучшимъ изъ своихъ крестьянъ управленіе своими вотчинами и хожденіе по дѣламъ. Послѣднее съ пагубностью обнаруживается изъ того факта, что громадное большинство приведенныхъ нами явочныхъ челобитныхъ были поданы крестьянами по дѣламъ ихъ помѣщиковъ. О лишеніи своего довѣреннаго крестьянина полномочій по управленію помѣщикъ подаетъ въ провинціальную канцелярію особое явочное челобитье, „чтобъ на имя ево (крестьянина) никакихъ крѣпостей не писать“ (№ 273). Объемъ полномочій, которыя помѣщики предоставляли довѣреннымъ крестьянамъ по управленію дѣлами имѣнія, бывалъ различенъ. Такъ, въ одномъ явочномъ челобитѣ о покражѣ староста признаетъ себя не уполномоченнымъ къ заключенію мировой сдѣлки: „о чемъ я, не отписався до господина своего, безъ повелѣнія ево такой сдѣлки учинить не смѣю“ (№ 277, пунктъ 4-ый).

Изъ одной челобитной видно, что крестьянскіе пожитки переходили по наследству къ дѣтямъ, и наследники искали растраты имущества умершаго на старостѣ (№ 258).

¹⁾ См. К. П. Побѣдоносцевъ, Замѣтки для исторіи крѣпостного права въ Россіи, *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., том. XVI, стр. 575—576.

Извѣстный разборъ духовенства, имѣвшій мѣсто по введеніи подушной подати¹⁾, можетъ быть иллюстрированъ слѣдующимъ фактомъ, отмѣченнымъ въ одной изъ челобитныхъ. Въ 1723 году изъ канцеляріи свидѣтельства мужскаго пола душъ Московской провинціи данъ былъ Угличскому помѣщику поручику Д. С. Шубинскому „во услугу изъ недѣйствительныхъ служащей излишней дьячекъ города Тарусы, Мышенского стану, церкви Николая Чудотворца, что на Почтѣ, Максимъ Лукьяновъ, тридцати осьми лѣтъ, дѣти ево: Иванъ—пяти, Петръ—четырехъ лѣтъ“ (№ 276, пунктъ 1-ый). Неупомянутая въ свидѣтельствѣ мужскаго пола душъ жена названнаго дьячка Лукерья Осипова дочь тоже была отдана Шубинскому (№ 276, пунктъ 2-ой).

Не лишеннымъ бытового интереса представляется отмѣченный въ одной изъ челобитныхъ фактъ протеста монастырскихъ крестьянъ противъ перемѣны въ управленіи ихъ монастыремъ. „Въ 1724 году по указу преосвященнаго Георгія епископа Ростовскаго и Ярославскаго велѣно было Афонасьевскому монастырю, что на Мологѣ, въ припискѣ къ Учемскому монастырю. И для описи оного монастыря и для росписки въ ономъ монастырѣ всякаго имѣнія и прочихъ припасовъ пріѣхали Учемскаго монастыря игуменъ Штиримъ да дому оного преосвященнаго архіерея подъячей Иванъ Ретивцовъ и вотчинны оного Афонасьевскаго монастыря Веретейской волости для взятія старосты и выборныхъ крестьянъ присылали и они крестьяне въ Афонасьевской монастырь ходили.—И пришедъ домой Генваря въ 5 день сего лѣтъ 724 году здѣлали сходъ на монастырскомъ дворѣ и написали приговоръ, чтобъ послать челобитчиковъ, дабы оному Афонасьевскому монастырю быть попрежнему безъ властей, а имъ крестьяномъ жить самовольно“ (№ 262, пунктъ 1-й и 2-ой). Въ соучастіи въ составленіи этого приговора обвинялся приходскій священникъ, но самъ онъ изобразилъ свою роль въ этомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ: „и къ оному приговору принуждали меня, богомольца твоего, приложить руку, и я къ оному приговору руки не приложилъ и ихъ много увѣщавалъ, что лучше быть оному монастырю для охраненія и имъ отъ сторонъ обереганья подѣ властью, понеже что въ самовластіи ихъ крестьянъ въ противностяхъ много надлежитъ платежу штрафовъ; и въ то число они, крестьяне, отъ того дѣла пере-

¹⁾ См. В. Н. Латкинъ, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.), изд. 2-ое, СПб. 1909 г. стр. 165.

стали“ (№ 262, пунктъ 2-ой), но потомъ послали архіерею о томъ же челобитье, не имѣвшее успѣха, какъ и слѣдовало ожидать.

Въ огдѣлѣ шестнадцатомъ приведены три акта, не имѣющіе мѣстнаго значенія, но издаваемые въ виду ихъ неизвѣстности.

Первый изъ нихъ—указъ изъ Ярославскаго надворнаго суда отъ 31 янв. 1724 г., извѣщающій о послѣдовавшемъ Высочайшемъ дозволеніи Данилу Янкову купить деревни для его пропитанія (№ 280). О самомъ фактѣ Высочайшаго дозволенія указъ сообщаетъ слѣдующее: „Его Императорскому Величеству Данило Янковъ билъ челомъ, чтобъ Е. И. В. пожаловалъ, повелѣлъ ему для ево пропитанія купить деревни. И ноября. де, 5 дня 723 году Всепресвѣтлѣйшій Державлѣйшій Петръ Великій И. и С. В. будучи въ зимнемъ домѣ, на томъ прошеніи соизволилъ подписать тако: „позволяетца“. О такомъ Высочайшемъ дозволеніи сенатъ отправилъ указы въ юстицъ-и вотчинную коллегіи; юстицъ-коллегія распустила этотъ указъ по надворнымъ судамъ, а послѣдніе по провинціямъ и крѣпостнымъ конторамъ.

Высочайшее дозволеніе Данилу Янкову „для его пропитанія купить деревни“ представляется въ высшей степени интереснымъ и по смыслу своему до извѣстной степени загадочнымъ. Кто такой былъ Данило Янковъ, къ какому сословію онъ принадлежалъ, въ документѣ нашемъ не сказано; вслѣдствіе этого въ точности неизвѣстно, почему Янкову потребовалось особое Высочайшее дозволеніе на покупку деревни. Можно лишь объ этомъ строить предположенія. Разъ Янкову пришлось испрашивать дозволеніе на покупку деревень, то значитъ у него не было права на это. Спрашивается, почему у него не было такого права? Изъ дворянъ законы Петра Великаго ограничивали въ правѣ покупки деревень младшихъ сыновей, или т. н. кадетовъ; послѣдніе по указу 14 апр. 1714 г. могли покупать деревни, дворы или лавки, не прежде, какъ прослуживши семь лѣтъ въ военной службѣ, или десять въ гражданской, или занимаясь купечествомъ и мастерствомъ пятнадцать лѣтъ ¹⁾. До выслуги указаннаго числа лѣтъ они не имѣли этого права. Весьма возможно, что въ такомъ именно положеніи находился Данило Янковъ, почему и просилъ дозволить ему „для ево про-

¹⁾ См. К. А. Невольнъ, *Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ*, Полн. собр. сочин., том. IV, 1857 г., стр. 292, пунктъ 6-ой.

питанія купить деревни“. Далѣе, законодательство Петра Великаго не давало опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о принадлежности права пріобрѣтать уѣздныя земли личнымъ дворянамъ, созданнымъ табелью о рангахъ, а также синодальнымъ и архіерейскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ¹⁾. Возможно, что Янковъ принадлежалъ къ одной изъ этихъ категорій и во избѣжаніе сомнѣнія билъ государю челомъ о прямомъ дозволеніи. Нельзя предположить, что Янковъ былъ фабрикантомъ и заводчикомъ, такъ какъ послѣдніе должны были обращаться за разрѣшеніемъ въ мануфактуръ—или бергъ-коллегію и могли пріобрѣтать земли для фабричнаго и заводскаго дѣла, а не для пропитанія. Наконецъ, намъ извѣстно, что чуть ли не вплоть до Жалованной Грамоты дворянству на практикѣ всѣ сословія конкурировали съ дворянами въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимой собственности даже и въ уѣздахъ²⁾. Но эта практика была, повидимому, чисто фактическаго характера, и трудно предположить, чтобы подобныя пріобрѣтенія совершались по „подписнымъ челобитнымъ“ въ родѣ тѣхъ, которыя требовались съ гостей по указу 1666 г. (П. С. З. № 390). На основаніи всего сказаннаго, намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ предположить, что Данило Янковъ былъ или „кадетомъ“, просившимъ дозволенія на покупку деревни до срока, или же личнымъ дворяниномъ либо служивымъ человѣкомъ духовнаго вѣдомства, не имѣвшимъ точно въ законѣ опредѣленнаго права на пріобрѣтеніе уѣздной земли.

Второй изъ актовъ XVI отдѣла это указъ изъ Ярославскаго надворнаго суда отъ 7 янв. 1726 г. о наложеніи запрещенія на недвижимыя имѣнія знаменитаго Ивана Посошкова³⁾. Указъ этотъ передаетъ въ подчиненныя мѣста циркулярное распоряженіе юстицъ - коллегіи, которая на основаніи промеморіи изъ канцеляріи тайныхъ разыскныхъ дѣлъ предписала: „дабы на недвижимыя имѣнія купецкаго человѣка водошнаго дѣла мастера Ивана Посошкова купчихъ и докладныхъ отъ ево Ивана имени, тако жъ и отъ прочихъ его фамиліи, у крѣпост-

¹⁾ См. *К. А. Невольинъ*, назв. сочин., т. IV, стр. 290—291; *А. В. Романовичъ-Славянинскій*, назв. сочин., стр. 240, 251.

²⁾ *В. Н. Латкинъ*, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.), изд. 2-ое, СПб. 1909 г., стр. 149.

³⁾ Позволимъ себѣ указать новѣйшія работы о жизни и личности И. Т. Посошкова: *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Новыя извѣстія о Посошковѣ, въ *Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи наукъ*, 1904 г., т. IX, кн. 3-я; *Его же*, біографія въ *Русскомъ біографическомъ словарѣ* (1905 г.) *с. в.* Посошковъ; *И. С. Вьязовъ*, Предки и потомство Ивана Тихоновича Посошкова, *Чтенія* М. О. и Др., 1905 г., кн. II.

ныхъ дѣлъ не писать, понеже онъ, Посошковъ, явился въ важной криминальной винѣ“ (№ 281). Насколько намъ извѣстно, указъ этотъ до сихъ поръ не былъ напечатанъ; поэтому мы и приводимъ его, полагая, что и мелкіе документы о судьбѣ столь выдающагося человѣка, какъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, заслуживаютъ опубликованія. Документъ этотъ не лишень и мѣстнаго значенія для Угличской провинціи, въ предѣлахъ которой у Посошкова, какъ видно изъ купчей 1719 года и изъ „экстракта“ тайной канцеляріи 1726 года, было имѣніе, — „въ Кашинскомъ уѣздѣ сельцо Марьино, дворъ помѣщиковъ, въ немъ дѣловыхъ людей душъ съ 20; пашни четвертей съ 30; дано 750 рублей“¹⁾.

Третій изъ актовъ XVI отдѣла это указъ изъ военной коллегіи отъ 12 марта 1726 года о пожалованіи графа Яна Сапѣги, старосты Бобруйскаго²⁾, въ генераль-фельдмаршала російскихъ войскъ (№ 282). Императрица Екатерина Алексѣевна повелѣла публиковать объ этомъ пожалованіи во всей Россійской имперіи, и военная коллегія предписала: „воеводѣ Бутурлину о томъ вѣдать и о публикованіи его во всей Угличкой провинціи учинить по сему Ея И. В. указу“. Также предписывалъ Угличскому воеводѣ и Ярославскій надворный судъ въ специальномъ указѣ отъ 15 іюня 1726 года. Названные акты мы привели съ цѣлью показать, какія свои распоряженія центральное правительство иногда считало нужнымъ доводить до свѣдѣнія всего населенія страны. Не надобно обладать особенной силой воображенія, чтобы представить себѣ изумленныя лица угличанъ, которымъ пришлось въ церкви или на площади прослушать названный указъ; все въ этомъ указѣ должно было показаться имъ болѣе, чѣмъ страннымъ: и таинственнымъ ино-

¹⁾ См. *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, назв. сочин., *Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи наукъ*, 1904 г., т. IX, кн. 3-ья, стр. 142—143 и 122. — Къ напечатанію приведеннаго указа о наложеніи запрещенія на имѣнія Посошкова побудилъ насъ своимъ компетентнымъ совѣтомъ нынѣ уже покойный Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій. Считаеъ поэтому своимъ долгомъ на этомъ мѣстѣ упомянуть талантливаго историка теплымъ словомъ благодарности и выраженіемъ глубокаго душевнаго прискорбія объ его безвременной кончинѣ.

²⁾ О Бобруйскомъ старостѣ Янѣ Сапѣгѣ см. *С. М. Соловьевъ*, *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, по изд. „Общественной пользы“, IV, 106, 111, 513, 1270, 1281; V, 196—197. — *Wolff Józef*, *Senatorowie i Dygnitarze W. Księstwa Litewskiego*, Kraków, 1885 г., стр. 152. — *Sapiehowie*. *Materyały historyczne, genealogiczne i majątkowe*, wydane nakładem *rodziny*, tom 3-ci, 1894 г., Petersburg, стр. 126—135. — Двѣ послѣднія цитаты приводятся нами по указанію члена Бракковской академіи наукъ г. Т. Корзона, за что и приносимъ благодарность маститому польскому историку. — См. также Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., томы LVI, LXIII, LXIX, LXXXIX, LXXXIII (по указателямъ именъ).

земный „староста“, оказавшийся не мужикомъ, какъ этому слѣдовало бы быть на Руси, а сѣятельнымъ графомъ, и званіе генераль-фельдмаршала, котораго они не могли, очевидно, и выговорить.

Къ первоначально намѣченнымъ шестнадцати отдѣламъ ¹⁾ пришлось добавить дополнительный XVII отдѣлъ, въ которомъ помѣщены четыре акта, извлеченные изъ архива уже послѣ того, какъ были набраны отдѣлы, къ которымъ они относятся. Два изъ этихъ актовъ (№№ 284 и 285), представляющіе собою документы по подготовленію смотра дворянъ въ 1722 году, уже отмѣчены нами выше въ обзорѣ одиннадцатаго отдѣла. Два другихъ (№№ 283 и 286) являются дополненіемъ къ отдѣламъ первому (личный составъ провинціальныхъ учреждений) и четвертому (образцы формъ дѣлопроизводства), помѣщеннымъ въ I томѣ актовъ. Вѣдѣніе личнаго состава и приказныхъ расходовъ провинціальныхъ учреждений отъ 28 іюня 1722 года (№ 283) сообщаетъ намъ болѣе раннія свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, которыя приведены по тому же вопросу въ I томѣ по вѣдѣнію 1725 года ²⁾. Въ вѣдѣніи 1722 года находимъ интересное указаніе относительно содержанія канцелярскихъ чиновъ: „А вышенисаннмъ полтъячимъ жалованья не опредѣлено, а розсылъщикомъ и сторожамъ, и рекрутомъ дастца провіантъ помѣсечно по указу изъ Углецкого магазейна“ (стр. 338) ³⁾. Та же неопредѣленность жалованья имѣла мѣсто, какъ мы видѣли, и въ 1725 году, да еще въ большей степени, такъ какъ тогда была нарушена и правильная выдача хлѣбнаго жалованья солдатамъ ⁴⁾. Подорожная отъ Углича до Москвы и обратно (отъ 1721 г.), выданная Угличскимъ воеводой ямщику Крылову, отправленному въ Москву съ письмами, и записъ явки этого ямщика въ Углической провинціальной канцеляріи по возвращеніи изъ Москвы (№ 286) пополняютъ наши свѣдѣнія о практиковавшихся способахъ пересылки указовъ и бумагъ ⁵⁾.

Разъ зашла рѣчь о формахъ дѣлопроизводства, то не лишнимъ считаемъ отмѣтить, что въ настоящемъ второмъ томѣ имѣется указаніе на одну изъ формъ дѣлопроизводства въ верховномъ управленіи, именно,—на Высочайшія повелѣнія въ

¹⁾ См. I томъ актовъ, введеніе, стр. III—IV.

²⁾ См. I томъ актовъ, № 13 и введеніе, стр. VI—VII.

³⁾ Объ уѣздныхъ провіантскихъ магазинахъ см. I томъ актовъ, введеніе, стр. LX—LXI.

⁴⁾ См. I томъ актовъ, введеніе, стр. XIV.

⁵⁾ См. I томъ актовъ, введеніе, стр. XI—XII.

видѣ непосредственныхъ резолютивныхъ надписаній на поданныхъ государю челобитныхъ (№№ 206 и 280). На основаніи такихъ собственноручныхъ Высочайшихъ резолюцій изготовлялись затѣмъ соответственными центральными учрежденіями (въ приведенныхъ у насъ актахъ—юстиць-коллегіей) требуемые по ходу дѣла указы, которые и посылались для исполненія на мѣста.

Ө. Тараховскій.

Того же автора:

Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава. 1897.

Интересъ и нравственный долгъ въ правѣ. Варшава. 1899.

Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка. Варшава. 1902.

Феодализмъ въ Россіи. Критическій очеркъ. Варшава. 1902.

Политическая доктрина въ Наказѣ императрицы Екатерины II. Кіевъ. 1903.

Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи. Историко-методологическое изслѣдованіе. Варшава. 1904.

Лейбницъ и т. н. внѣшняя исторія права, СПБ. 1906.

Leibniz und die sogenannte äussere Rechtsgeschichte. Weimar. 1906.

Обзоръ актовъ Угличской Провинціальной Канцеляріи 1719—1726 г.г., часть первая, Москва. 1908.

Норманская теорія въ исторіи русскаго права. Варшава. 1909.